

Ник Перумов
Череп на рукаве
Серия «Империя превыше всего», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119755
Империя превыше всего. Книга 1. Череп на рукаве: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 978-5-699-11050-6, 5-699-07473-2, 5-699-11050-x*

Аннотация

Этот роман – фантастический боевик, написанный в лучших традициях жанра. Герой книги – Руслан Фатеев, уроженец планеты Новый Крым, – идеальный солдат грядущей войны с Чужими, жуткими и загадочными монстрами, остановить которых не в силах никто и ничто. Но это будет потом, а пока форма имперского десантника, до боли напоминающая форму солдат вермахта времен Второй мировой, ложится на его плечи как клеймо предателя, покинувшего свой дом и вступившего в ряды оккупантов.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

75

Ник Перумов

Череп на рукаве

– Дерьмо ты, оказывается, – повторила Далька. Я ничего не ответил. За дюнами солнце медленно опускалось к горизонту, море потемнело, вдали, за линией рифов, уже заблестели огоньки китовых вожаков. Сегодня их ночь, мерцанием они приманивают самок, зовут предаться любви...

– Меня аж передёргивает, как подумаю, что... что с тобой спала, – услышал я. Холоду в Далькином голосе хватило бы на плавучий рыбозавод средних размеров. – Жополиз имперский. Срань помоечная. Как тебя отец из дома-то не выгнал...

Отец-то как раз и выгнал, но Далька об этом пока ещё не знала.

Зашуршал песок, и я невольно напрягся – Далька отличалась темпераментом, чего доброго, пнёт в висок, с неё станется.

Взвизгнула яростно вздёрнутая «молния». Далька лихорадочно одевалась, бормоча вполголоса такие слова, что её мама, наша, между прочим, учительница русского и литературы, точно упала бы в обморок.

– Предатель, – припечатала она напоследок.

Я молчал. Не поворачивал головы, смотрел на море.

Далеко-далеко, на самом пределе доступного взору, громадный кит выметнул из воды сотридцатитонное тело, развернул светящиеся плавники, описал плавную дугу, плюхнулся обратно, подняв облако пылающих искр. Красиво, чёрт побери. Когда ещё доведётся такое увидеть?

За спиной в отдалении взвыли турбины Далькиного вертолёта. Казалось, даже машина сыплет в мой адрес отборными ругательствами.

Пусть. Теперь уже всё равно ничего не изменишь. Бумаги поданы и подписаны, аванс получен. И даже одежда, небрежно брошенная рядом прямо на песке, – не обычные разноцветные шорты с футболкой. Пятнистый комбинезон имперского десанта. С серебристым черепом на фоне чёрного щита, красующимся на левом рукаве.

Отступать некуда, позади Москва. Хотя, конечно, с потерей Москвы не потеряна Россия, как сказал когда-то светлейший князь Смоленский Михаил Илларионович Кутузов...

Киты в море резвились всё вольней, тёмные волны почти что пылали, освещённые их телами. Ночь любви...

Интересно, а на что рассчитывал я, когда звал Дальку на наш остров? Повалить девчонку на песке – так сказать, на прощание? Неужто я думал, что она меня поймёт? Что скажет – молодец, так и надо было?

Нет, конечно. Никогда бы Далька такого не сказала. Далька, давний член «интербригады „Бандера Росса“». Ну да, той самой, знаменитой, чьей главой была небезызвестная террористка Дариана Дарк, которую когда-то ловили чуть ли не все имперские силы безопасности...

Так что мне совершенно нечего надеяться на Далькино прощение или хотя бы понимание. В её глазах – и не только в её – ныне, присно и во веки веков я – гнусный предатель, имперский... гм, блюдолиз. Конечно, отцу никто не дерзнёт бросить такого в лицо. Дуэли не миновать, а с отцом до сих пор на рапирах никто не сравнится. Кумушки, конечно, не упустят случая пошипеть, но...

Солнце коснулось моря нижним краем диска, алые сполохи ползли вдоль вовеки недоступной черты, за которой, как я верил мальчишкой, у Солнца есть настоящий дом и жена, ждущая его каждый день с многотрудной работы.

Однако пора. Далька улетела. Теперь тут только и осталось, что наблюдать издалека за китовыми любовными играми, коль скоро уж со своими ничего не получилось.

Пора, пора. Нечего расслаживаться. Мои пальцы скользнули к шее, к висевшей рядом с нательным крестом наглухо зашитой крошечной кожаной ладанке. В ней нащупался ключ. Это то, с чем я не расстанусь никогда и ни за что. Таких вещей у меня несколько. То, что связывает меня с настоящей жизнью.

Я встал, подобрал комбинезон и ботинки. Ничего не скажешь, ботинки отличные. Вроде как ничего не весят, а в драке зафигачишь – так мало не покажется. И не жмут нигде, и нога в них никогда не потеет, и не промокают они, и в огне не горят, и по любой кислоте идти в них можно. Славные ботинки. Немцы делают, на Новой Баварии, а уж в чём, в чём, а в солдатской снаряге швабы толк знают.

Мой вертолёт стоял, странно окривев и завалившись на левый бок. Я взгляделся и присвистнул. Шина прорезана – не иначе Далька постаралась. На прощание, так сказать. Ну ничего, шина – не главная турбина, дотянем и сядем...

Завтра, с зарёй, мне полагалось быть на сборном пункте. Машину оставляю в столице, кто-нибудь, отец или братья, пригонит её обратно. Мне вертолёт больше не понадобится. Как и ничто другое с гражданки. Пройдёт совсем немного времени, и эта жизнь покажется мне раем. На меня станет орать идиот фельдфебель, заставляя драить нужники зубной щёткой, или отрабатывать ружейные приёмы в три часа ночи, или полировать парадные сапоги до абсолютного блеска, проверяя люминометром их отражающую способность; болван лейтенант, желая выслужиться, на маневрах погонит нас в полное змей и прочих гадов болото, да притом ещё подставит под огонь собственной артиллерии (как всем известно, на учениях в Империи используют настоящие снаряды и патроны – кому не повезло, тому не повезло. Родные получают компенсацию). Я буду задыхаться в дурно пригнанном противогазе, блевать от тряски в железном брюхе десантного транспорта, высаживаться в охваченных мятежом городах, чтобы пройти их из конца в конец, оставляя за собой только трупы и пожары – для вящей остротки.

Я буду носить на рукаве эмблему Третьей Десантной дивизии «Totenkopf», «Мёртвая голова». Когда-то давно она именовалась 3-й танковой дивизией СС и стала недобро знаменитой именно под этой самой эмблемой: серебряный череп на чёрном геральдическом щите. И ещё – «Gott mit uns» на бляхе парадного ремня.

«Мёртвая голова» печально прославилась не только на полях сражений. Её создали в октябре 1939 года из четырёх существовавших охранных полков, что «действовали» в местах, названия которых не требовали и никогда не потребуют ни переводов, ни пояснений: полк «Oberbayern» – Дахау, «Brandenburg» – Бухенвальд, «Thuringen» – Сашенхаузен, «Ostmark» – Маутхаузен, к которым прибавился пятый полк: «Dietrich Eckhardt». Дивизию возглавил Теодор Эйке, инспектор концентрационных лагерей и охранных частей СС. Формировали её в Дахау, предварительно «очищенном» от заключённых. Боевое крещение она приняла во Франции: 16 мая 1940 года дивизию перебросили из армейского резерва для поддержки 15-го танкового корпуса генерала Гота. 21 мая под Камбрэ «Мёртвая голова» едва не стала мёртвой на самом деле – фланги «Totenkopf» и 7-й танковой дивизии оказались смяты ста тридцатью контратакующими английскими и французскими танками. Прежде чем тяжёлая артиллерия и пикирующие бомбардировщики отразили этот отчаянный натиск, многие солдаты «Мёртвой головы» бежали в панике.

...Потом они отыграются на пленных. На солдатах Королевского Норфолкского полка, захваченных после ожесточённого боя. Потеряв в том столкновении семнадцать человек убитыми, эсэсовцы осатанели. Около ста англичан, попавших в плен, были расстреляны из пулемётов по команде оберштурмфюрера СС Фрица Кнохлейна, за что тот и был в своё время повешен англичанами уже после войны.

А потом...

Потом они маршировали по Прибалтике. Я никогда не бывал на Земле, но историю тех дней проштудировал вплоть до номеров полков. 2 июля в Латвии передовой батальон «Мёртвой головы» столкнулся с частями русской 42-й стрелковой дивизии. Потеряв 10 человек убитыми и больше ста ранеными, «мёртвоглавцы» отступили. И потом они сражались без всякой славы. Зимой 1942 года «Мёртвая голова» вместе с ещё пятью дивизиями попала в окружение под городом, название звучит для меня почти как музыка: Демянск. Из потерянных за время «похода на восток» двенадцати с половиной тысяч человек половина полегла под Демянском.

Потом, потом, потом... будет Курск, будет ещё много всего, будет Будапешт, будет Вена, где «Totenkopf» и закончит свой бесславный путь.

...Много, много позже, когда забубённые эти имена вновь замелькают в официальных документах, Новая Империя предпримет попытку отмыть чёрного кобеля. Будет отброшено многое. Например, две зловещие руны SS в названии. Принятые в СС знаменитые обер-, штурмбанн- и прочие «фюреры». Их заменили обычные армейские звания.

Я выучил это и ещё многое другое наизусть. Империя, Кайзеррейх, пока ещё не успела особенно основательно почистить частные книжные собрания. А мои отец, дед и прадед – все собирали исторические труды. Во всех доступных им формах.

Я выучил это потому, что в дивизии, созданной изначально из лагерных вертухаев, нам, само собой, будут талдычить совсем другое.

И всё-таки я иду туда...

Так надо. На этих «мёртвых головах», «лейбштандартах», «викинггах», «дас райхах» и прочей нечисти стоит Империя, которой я отныне служу. А Далька... что ж Далька. Каждый выбирает, всякий день, всякий миг. Она тоже выбрала.

Её интербригады – это, конечно, романтично и здорово, и красная лента вокруг головы очень шла Дальке, но я не сомневался – стоит интербригадовцам учинить что-нибудь этакое, их повяжут сразу и не посмотрят, что организация «Памяти интернациональных бригад» легальна, разрешена, действует с ведома властей как планеты, так и имперской администрации, выпускает две газеты – по старой традиции бумажную, мемориальную, и основную, сетевую.

Да, многими интербригадами – как, например, Далькиной Шестой – руководили люди, которых трудно было заподозрить в симпатиях к Империи. Взять ту же Дариану Дарк. Родом со всё ещё «независимой» планеты, где обосновались «новые пуритане». В своё время повоевала с имперцами на Каледонии, принимала участие в Босвортском и Жлобинском мятежах, но потом «отошла от активного вооружённого противодействия», подписала «личный мир» с Империей и занялась «моральной борьбой». В частности, возглавляла эту самую Шестую интербригаду, штаб-квартира – на Иволге, главной планете нашего Восьмого сектора.

Далька долго пыталась зазвать меня на их сходки. Я под всякими благовидными предлогами уклонялся, пока Далька не начала злиться. Но мне там показываться было никак нельзя. С такой анкетой не то что в десант, в стройбат имперский не попадёшь.

Двигатели я запускал с некоей опаской. Если разгневанная Далька успела походя шину пропороть, так могла и булыжник в турбозаборник метнуть.

Тем не менее всё прошло благополучно. Я поднял машину в воздух, сделал прощальный круг над островком, над лагуной, над резвящейся и выпускающей разноцветные светящиеся фонтаны китовой вольницей и взял курс на Новый Севастополь.

* * *

В город я прилетел, когда уже совсем стемнело. Вода в Северной бухте мягко светилась голубоватым, верный признак, что в гавань опять зашёл косяк радужной морской форели. С земным прародителем у неё общим осталось разве что только название. Мигали огоньки на мачтах, алые, золотистые, изумрудные, плясали ослепительные миражи над весёлым кварталом, солидно и ровно горели вывески больших универсальных магазинов. Чуть восточнее, в районе батареи номер тридцать, которую имперцы отчего-то называли «форт Максим Горький» (и чего они в нём нашли? тоска смертная, я его читать даже под угрозой «пары» не мог), всюду полыхал фейерверк – наверное, у кого-то свадьба или день рождения. Я подумал, что в своё время мечтал устроить такой вот фейерверк для Дальки... и сцепил зубы. Ни к чему сейчас вспоминать всё это.

В вертолёт я переоделся. Замасленный комбинезон, старые сандалии – разгуливать в имперском камуфляже по ночному Севастополю небезопасно, несмотря на все усилия коменданта и патрулей.

Машину я посадил на общественной площадке. Отец держал для нас ангар, но сейчас я и помыслить не мог посмотреть в глаза техников. Дражен не то что руки не подаст, а точно попытается голову оторвать. Сергей, Зденек, Мирчо – туда же. Лучше там даже и не возникать.

Вертолёт застыл, накренившись. Придётся всю колёсную пару менять. Барабан я точно изуродовал.

Пожилой механик с тремя золотыми шевронами – тридцать лет беспорочной службы – угрюмо принял от меня ключи, дал расписаться в ведомости. На меня он почему-то старался не смотреть. Неужели тоже знает?..

Торопливо расплатившись, я поспешил убраться восвояси.

У меня оставалась одна ночь. Последняя ночь свободы. Можно было направиться в весёлый квартал, отвести душу в виртуалке, или же, махнув рукой на порядочность, по обычаю всех уходящих на войну (а какая-нибудь война у нас всегда сыщется) забыться в оплаченных женских объятиях.

Размышляя так, я добрёл до стоянки такси. Бежевых машин с шашечками – в силу давней-предавней традиции – было мало, народ на Новом Крыму в большинстве своём добропорядочный и основательный, спешки с суетой не любящий и вовсе не расположенный куда-то там тащиться на ночь глядя. Чтобы дела делать, как известно, день есть.

– Куда поедет, приятель? – окликнул меня шофёр.

Я помотал головой и ускорил шаги. Мне некуда ехать в этом городе. Ни в пивные, ни в бары, ни в бордели, ни в виртуалку. И потому я сейчас, таща за собой тюк с имперской формой, быстро, не теряя ни минуты, скорым спортивным шагом двинусь на вербовочный пункт. Ни к чему эти последние часы свободы. Не «они» говорят мне, когда прийти. Я сам выбираю своё время.

...От аэроплощадок до сборного пункта было почти три часа ходьбы, но я даже не заметил расстояния. Признаться, я тогда вообще мало что замечал вокруг себя. Видел только лица. Мама, отец, дед, бабушка... Далька... братья, сестры... Я был старшим, неделимый майорат перешёл бы после отца ко мне – теперь им распоряжаться станет Георгий, второй по старшинству после меня. Наверное, это правильно. Брат всегда любил заниматься «делами», то есть хозяйством на морских плантациях и рыбозаводах. Нетто- и брутто-тонны для него

звучали как музыка, а повышение на один процент выживаемости молодежи деликатесных донных ползунов приводило в прямо-таки оргиастический восторг. Так что отец, конечно, был прав. Семье так будет лучше. Намного лучше.

...Я вспоминал. Наверное, это неизбежно – вспоминать, когда твоя жизнь меняется резко и, пожалуй, необратимо.

Семья собралась вся – включая самых младших. Едва войдя, я столкнулся взглядами с младшей сестрёнкой, Танюшкой, чудным голубоглазым и блондинистым созданием одиннадцати лет от роду. Глаза смотрели недоумённо и испуганно. Она не понимала, что тут творится, почему её оторвали от игр с подружками и заставили сидеть на странном, внезапно случившемся семейном обеде, который не обещал ничего весёлого.

Отец сидел во главе стола. Раздражённо крутил в руках вилку, не глядя на меня. На другом конце застыла мама – словно статуэтка из слоновой кости. Со спины маму до сих пор принимали за девушку – несмотря на то что у меня насчитывалось в общей сложности девять братьев и сестёр. Я был десятым или, точнее говоря, первым. Поскольку был старшим.

Георгий, второй брат. Всегда был правой рукой отца в «делах». Смотрит вниз, на меня глаза не поднимает.

Лена, третья сестра. Тоже правая рука, но на сей раз – мамина. Вечно возилась с малышами, и её никогда не требовалось ни заставлять, ни понукать – живых детишек она предпочитала куклам. Губы у неё подрагивают, вот-вот заплачет.

Света. Посверкивают старомодные круглые очки в архаичной металлической оправе. Пальцы судорожно мнут кружевные манжеты чёрного строгого платья – сестру явно выдернули с какого-то собрания.

Ларион. Ну, он ещё мальчишка. Хотя взгляд уже как у настоящего волчонка.

Остальные – мелкота. Александр, Людмила, Виктор и младшая Танюшка. Они ещё школьники.

Я вошёл последним. Полученная утром записка гласила, что семья собирается в пять, и я не опоздал – но, похоже, остальные успели раньше. Может, их и созывали пораньше?..

Никто не взглянул на меня. Даже отец.

Он заговорил, по-прежнему упорно не отрывая глаз от скатерти, словно надеялся разглядеть там невесту что.

– Я взял на себя труд проинформировать остальных о твоём решении.

Я попытался как можно более независимо пожать плечами.

– Может, с этим стоило бы подождать, отец?

Я хотел, чтобы мой голос звучал твёрдо и уверенно, но, увы, не получилось. С моим отцом, когда он в гневе, так запросто не поговоришь.

– Нет, – на сей раз отец поднял глаза. Глаза у него казались белыми от бешенства. – Нечего ждать и тянуть. Ты опозорил всю семью. Всех нас. Говорю это не для тебя – тебе уже ничего не поможет и тебя ничем не исправишь. Говорю для остальных, надеюсь, что смогу прибавить им хоть немного ума и понимания.

– Что это за спектакль, отец? – Я слегка возвысил голос. – Даже если тебе не нравится моё решение...

– Твоё решение?! – взревел он. – Предательство – это твоё решение?! Идти на службу к этим... этим... – отец потряс кулаком, не находя, наверное, слов.

– Мы граждане Империи, отец. Новый Крым подписал договор. Ты забыл, что там и твоя подпись?..

– Неужели ты думаешь, что мы хоть на минуту смиримся?! Если бы мы тогда его не подписали, на месте Севастополя осталась бы радиоактивная пустыня. И ни тебя, ни твоих братьев и сестёр – никого не осталось бы в живых!

Я не нашёл ничего лучшего, как пожать плечами. Поймал краем глаза взгляд Танюшки – голубые глаза стали похожи на озёра от застывших в них слёз.

Мама сидела, по-прежнему не шевелясь. И молча смотрела перед собой на сверкающе-пустую тарелку. Сегодня в ход пошёл «торжественный» сервиз, который у нас доставали только в особенных случаях: дни рождения, Рождество и так далее...

Сегодня, значит, тоже «особый случай».

Отец перевёл дыхание. Схватил графин с водой, налил в хрустальный бокал, шумно выпил. Впечатал бокал в стол, вновь поднял на меня глаза, и я вновь не выдержал его взгляда.

– Мы решили, – на скулах отца заиграли желваки. В свои сорок пять (я появился у них рано, когда маме было всего восемнадцать, а отцу – на два года больше) он выглядел очень внушительно. Никогда не занимался накачиванием мускулов, а завяжет узлом любого культуру-каратиста.

– Мы решили, что тебе здесь больше места нет.

Мама вздрогнула, Света стащила с носа очки, яростно принявшись протирать и без того идеально чистые стёкла. Пальцы её дрожали.

Я вновь пожал плечами.

– Ты ничего не докажешь, отец...

– Тебе здесь больше места нет, – отчётливо повторил он. – И ты больше не первый наследник. Подпишешь добровольный отказ от наследства и передачу своей доли семейных акций Георгию.

– Не имеешь права!

– Очень даже имею. По закону о неделимости майората, – злорадно сообщил он мне.

– Юра... – страдальчески прошептала мама, обращаясь к отцу.

– Что «Юра»?! Он нас предал! Предал и продал! Пусть управляет Георгий. У него и способностей к этому куда больше.

– Я могу сказать? – вдруг зазвенел голос Лены. – Или тут говорят только трое?

Отец метнул на мою сестру недовольный взгляд.

– Говори, да не заговаривайся.

– Почему никто не даст сказать Русу? Наверное, у него были причины! – и умоляющий взгляд на меня. Ну не молчи, ну скажи же, что всё это не так, что всё это ошибка!..

Нет, дорогая сестричка. К сожалению, это не ошибка.

Я поступаю в имперскую армию. И тогда мне действительно нет места среди вас. Отец принадлежал к узкому кругу самых богатых рыбопромышленников Нового Крыма, казалось бы, ему и им подобным как хлеб и воздух нужен был мир с Империей, хорошие отношения с военными, рынки сбыта и прочее, прочее, прочее. Однако... в недалёком прошлом мой почтенный отец возглавлял боевое крыло Армии Русского Сопротивления. До самого подписания мирного договора с Империей, согласно которому Новый Крым «добровольно» входил в её состав, а все жители планеты спустя не столь уж длинный «испытательный срок» получали права гражданства. Ну а планета, само собой, – представительство в Рейхстаге, верхней палате (два депутата) и места в Бундестаге (пропорционально народонаселению, но, само собой, не меньше чем одно).

Так было. Шла война. Настоящая партизанская война. Но потом неожиданно среди самых что ни на есть радикалов, «непримиримых», возникло движение «умеренных», ратующих за достижение почётно мира с Империей. И, что самое удивительное, им удалось добиться своего. Партизанская война прекратилась, имперцы и Новый Крым подписали договор, нам было даровано гражданство...

Всего этого добилась узкая группа людей, которых по-прежнему называли «умеренными». И возглавлял их мой достойный батюшка. Бывший глава «непримиримых». Ему тогда было немногим меньше, чем мне сейчас. И я уже был на свете.

Но к творившемуся со мной это никакого отношения не имело.

– Что ж, отец, – я как можно более независимо пожал плечами. – Ты совершаешь ошибку, но... Я докажу тебе, что я лучший сын, чем ты – отец. Давай бумаги. Я всё подпишу.

– Не здесь, – прошипел он, тяжело и исподлобья глядя на меня. – Не здесь. В Деловой Палате. Завтра. В присутствии положенных законом свидетелей. Чтобы всё как полагается зарегистрировать. Так что обратной дороги тебе не будет. Майорат отныне и навсегда закрепляется за Георгием и его потомками. Он хороший сын и настоящий русский человек. Не то что... – отец скривился.

Я видел, как Георгий вздрогнул и ещё сильнее вжал голову в плечи. Да, он прирождённый коммерсант, настоящий знаток всего морехозяйства, окончил, как и я, биологический факультет нашего университета, а сейчас вдобавок получает степень в Деловом Администрировании. Но мы с ним всегда были в прекрасных отношениях. Он младше меня всего на год, в детстве, всем на удивление, мы никогда не ссорились, всегда играли вместе и всё делили пополам – кроме девушек. Тут наши вкусы решительно разошлись. Я любил длинноногих блондинок, Георгий – пышных брюнеток...

– Иди, – сказал отец. – Иди... только крест фамильный сними.

– Папа! – не выдержали разом и Света и Лена.

– Молчать! – гаркнул на них отец. – Ничего не понимаете, сороки! Какой он после этого православный!

– Сестрички... не злите его, – я медленно расстёгивал ворот. – Пусть будет, как он хочет. Всё равно я от нашей веры не отступался, и Господь Вседержитель в том свидетель. А какой крест носить... право слово, неважно.

Я положил золотой крестик на край стола. Больше мне здесь делать нечего. Те немногие вещи, которые я хотел бы сохранить, уже спрятаны в надёжном месте. Об остальном я не заботился. Книги разве что... но их, в конце концов, можно и новые купить.

– Прощайте, – сказал я, повернулся и пошёл к дверям.

Только тут Танюшка позволила себе зарыдать в полный голос.

* * *

Вербовочный пункт располагался, естественно, в самом центре Нового Севастополя. Прямо через площадь от Городской Думы и канцелярии городского головы. Раньше там стояла старая больница, самая первая из всех, построенных на Новом Крыму. Имперцы больницу взорвали, отгрохали вместо неё за городом громадный госпитальный комплекс, а на площади появился «Штаб гарнизона Вооружённых Сил Империи, планета Новый Крым». На фронте раскинул крылья хищный одноглавый орёл, сидящий на римском лавровом венке, внутри которого вставало солнце. Само здание имперцы отстроили из монументального красноватого гранита, на отполированных поверхностях сверкали блики покачивающихся на ветру оранжевых фонарей. Вперёд выпирали мощные контрфорсы, узкие окна, словно бойницы, подозрительно косились на окружающие дома, далеко не столь же ухоженные, чистые и отполированные.

Напротив, через площадь, наискось от кафедрального собора Святого благоверного князя Александра Невского стояло здание городских Думы и Управы. С двуглавым орлом на фронте и бело-сине-красным триколором. На груди орла – щит со вставшим на дыбы медведем. А на крыльях – гербы поменьше: Георгий Победоносец со змеем, «Пагоня» Руси Белой и трезубец-сокол Рюриковичей – от Руси Малой.

Я привычно перекрестился на кресты собора и поскорее отвёл взгляд.

Как же мало у нас осталось. Страшно подумать. От великой некогда нации и Империи – Российской, само собой, – протянувшейся одно время от Одера до Юкона, от Новой Земли

до туркестанских гор, – только и уберегли после всех потрясений и бурь – эту одну-единственную планетку. Есть, конечно, ещё пара – Славутич и Вольный Дон, но там человеку лучше даже и вообще не жить. Ни растительности, ни воды. Одни рудники. И народу там раз в сто меньше, чем у нас.

Конечно, можно сказать, планета ведь всяко больше, чем одна шестая часть суши, но дело-то в том, что сейчас одна планета, даже такая «курортная», как Новый Крым, – это всё равно как одна оставшаяся от России губерния, к примеру Таврида...

Всё, всё растеряли. И остановились на самом последнем рубеже, за которым только пропасть, и неважно уже, как погибать – от вражеской пули или сорвавшись в бездну.

Остановились. И какое-то время даже стояли, не гнулись, не кланялись пулям. Были свободны. Были сами по себе. Были – до тех пор, пока из пепла Смуты не поднялась новая империя, гнусаво провозгласившая: *Gott mit uns*.¹

И наш последний рубеж пал.

Конечно, кое-кто сражается до сих пор. Десятка два отдалённых и бедных планет, где обосновались либо особо фанатичные секты, либо столь безумные националисты, что даже имперцы сочли за лучшее пока бороться с ними маркой, а не пулей, вводя экономические санкции и отгораживаясь торговыми барьерами и таможенными пошлинами. Не так давно одна из «неприсоединившихся» запросила пощады и внесла в имперский сенат прошение о принятии её в состав.

Само собой, была немедленно принята.

Остальные пока держались.

...Я вспоминал.

Хороший момент для воспоминаний.

Словно это было вчера. Мне тринадцать лет, и нам прислали высочайше одобренные учебники. В том числе и по истории. Империя с некоторых пор была очень озабочена унификацией «воспитательного процесса», всё, разумеется, во имя «уменьшения центробежных тенденций». Нам тоже прислали. Целый транспорт школьных учебников. Единая программа. Единые «идеологические ориентиры». Единое воспитание. Единая человеческая раса. Единая Империя, которая, само собой, юбер аллес!

Я до сих пор помню брезгливую усмешку нашей учительницы истории, Нины Степановны. Мы не слишком почтительно звали её за глаза Степанидой, а она обижалась. В школе, где она работала до того, как перейти в нашу сто восемьдесят пятую, её ласково именовали Ниночкой. Она держала красивую, блестящую множеством красок и лакированной обложкой книгу словно какое-то мерзкое насекомое, к примеру помоечного таракана. Или, скажем, дохлую крысу. Тоже, соответственно, помоечную.

Она молча стояла перед нашим классом, и никто, даже неугомонный Пашка Константинов, не рискнул не то что зашептать с соседом, но и даже вздохнуть.

– Ребята, – негромко сказала Нина Степановна, не отрывая взгляда от книги. – Мы с вами ещё не изучали всерьёз Отечественную войну. Мы должны были заняться этим только через два года, в девятом классе. Но я вижу, что начинать придётся прямо сейчас. То, что сказано в этой книге, – неправда. Большая ложь. Книгу написали наши враги. Они хотят, чтобы вы выросли... послушными. А мы, русские, послушными никогда не были. Тут много лжи, в этой книге. Много искусно спрятано. Много вам будет не найти самим. К сожалению, стандартные тесты вам придётся сдавать именно по этим учебникам. Так что зубрить всё равно придётся. Но это даже хорошо. Мы начнём изучать новый предмет. Историю правды. Поднимите, пожалуйста, руки те, у кого в семье остались... реликвии. Письма с фронта... старые книги... фотографии...

¹ *Gott mit uns* (нем.) – с нами Бог. Надпись на бляхах армейских ремней фашистского вермахта.

Медленно поднялась одна рука. Сашка Фёдоров. Другая, Колька Андреев. Алка Вецпер, моя соседка по парте. Ирка Андреева, самая красивая девчонка класса. Ещё, ещё, ещё... Аккуратненькая белокурая умница Маша Смирнова. И другая Смирнова – только Наташа, Аня Кноринг, Лена Будрина, Юля Пинус, Нина Здуновская, Герка Сокуренок, Паша Смирнов, Гена Хролов, Володя Баяндин...

Руки подняли почти все. Почти в каждой семье остались тщательно сберегаемые Письма. Да, именно так, с большой буквы. Не письма – а Письма. Письмами с маленькой буквы были все остальные. Но не эти, запаянные в прозрачный пластик. «Хранить вечно». Всё-таки много успели сделать тогда, в *последние дни*...

– Так вот, – продолжала Нина Степановна. – Вот что написано в этом, с позволения сказать, учебнике, – она обвела нас всех взглядом, а потом вдруг резко перебила себя: – Но, надеюсь, вы понимаете, что говорить, если сюда нагрянет инспекция... – и заговорщически нам подмигнула.

Она не боялась никого и ничего, наша Нина Степановна. За что потом и поплатилась. Она окажется до конца связанной с «непримиримыми», с теми, кто даже после подписания договора с Империей пытался подрывать радиоуправляемыми фугасами мышино цвета бронетранспортёры с чёрно-белыми крестами. Она была их связной. И хранила дома оружие. И взрывчатку. Один из последних приговоров по делу «о вооружённом сопротивлении» был вынесен именно ей. Она получила двадцать лет каторги на Сваарге. За весь процесс она не произнесла ни единого слова. Не ответила ни на один вопрос. Отказалась от предложения написать кайзеру прошение о помиловании. Хотя все понаехавшие имперцы в один голос утверждали, что его величество очень озабочен и ждёт только формального повода, чтобы помиловать пожилую учительницу, чья отправка на каторгу будет крайне негативно воспринята общественным мнением метрополии, не говоря уж о «нововоссоединившихся планетах».

Она не попросила. И отправилась на каторгу. Гордая, прямая. Несломленная. Зная, что обратно уже не вернётся...

Но до этого было ещё далеко. А тогда она читала нам из присланного учебника...

«Никогда ни Германский Рейх, ни германская нация не были врагами других наций. Германская армия воевала с бесчестными политиками, ввергшими свои народы в ужасную войну. И чтобы как можно скорее покончить со страданиями людей по обе стороны фронта, офицерами Генерального Штаба была создана теория „молниеносной войны“. Она позволяла быстро окружить армии противника, принудить их к сдаче без большого кровопролития. Рассмотрим для примера операцию германской армии на Балканском полуострове...»

«Никогда германский народ не испытывал никаких отрицательных чувств к великому русскому народу, который не раз оказывался союзником германского народа, как, например, во время Освободительной Войны 1813–1815 годов или во время Франко-Прусской войны 1870 года... И во время Второй мировой войны германская нация не сражалась с русским народом. Война велась против коммунистического режима Советского Союза, режима, причинившего неисчислимы бедствия своим собственным гражданам, ограбившего рабочих, отобравшего землю у крестьян и уничтожившего всех образованных людей, несогласных с его политикой...»

И так далее и тому подобное. Ложь, сплетённая с правдой, – самый страшный вид лжи...

Но мы знали правду. Знали, кто дошёл до Берлина. И что война прекратилась отнюдь не в результате «секретных пятисторонних переговоров полномочных представителей в Берне, завершившихся подписанием мирного договора в Потсдаме, предопределившим грядущее воссоединение великой Германии». Мы помним наше знамя цвета крови над серыми куполами поверженной вражьей столицы.

Мы помним, пока мы живы. Или, вернее, можно сказать – мы, русские, будем жить, покуда помним всё это.

* * *

...Вокруг имперского штаба день и ночь вышагивали патрули – просто так, для порядка. Вздыхнув, я двинул напрямик ко входу – двери в два человеческих роста, резной дуб, начищенная бронза; хоть сейчас в музей.

Как известно, Империя там, где её армия. Следовательно, там, где на ветру трепещет имперский штандарт с угрюмым орлом, непременно должна стоять лагерь и пехота означенной империи. Старая как мир истина.

У нас на Новом Крыму народу не так уж много, и у нас оставили не корпус, не дивизию и даже не полк. Всего-навсего отдельный десантно-штурмовой ударный батальон «Танненберг» из состава той самой Третьей Десантной дивизии «Мёртвая голова», в которой, собственно говоря, мне и предстоит служить.

И, кстати говоря, помимо всего прочего, солдаты и офицеры батальона «Танненберг» слыли большими специалистами по контрпартизанской борьбе.

Одно утешение – батальон «Танненберг» был именно «батальон», то есть *Battalion*, а не *Abteilung*.²

А ещё, само собой, у нас открыли вербовочный пункт. Тоже старая как сама идея империй истина – новых солдат следует искать в том числе и там, где теряешь старых.

Вербовщики по первости устроились отдельно от штаба, в уютном особнячке. Особнячок этот вначале регулярно забрасывали презервативами с краской – здоровенный штурмовик в бронежилете и с «манлихером» поперёк широченной груди только ухмылялся, ловко уворачиваясь от летящих в него разноцветных снарядов. Выкрики толпы, похоже, нимало его не трогали.

Потом нашим надоело кидаться. У всех мало-помалу нашлись другие дела – Империи тоже требовалось пить-есть, желательно повкуснее, и цены на нашу рыбу, крабов, осьминогов, кальмаров и ползунов медленно, но верно поползли вверх. Империя платила исправно.

А вербовочный пункт продолжал тихо-смирно себе существовать, никому, собственно говоря, не мешая. Империя не вводила всеобщей воинской повинности, ей – удивительное дело – якобы хватало добровольцев. Разумеется, с других планет.

Потом имперцы выстроили этот штаб, куда переехали и вербовщики. А ещё потом настал день, когда к этим дубовым с бронзой дверям подошёл и я.

В тот день...

...Внутренние стеклянные створки разъехались, пропуская меня за КПП. Давным-давно уже не стоит здесь на посту штурмовик. Пост упразднили за ненужностью. Никто больше ничего не швырял в окна. Всем надоело. Любая забава приедается...

Имперцы ввели круглосуточные патрули. Правда, патрули эти, насколько я мог понять, в основном занимались проверкой увольнительных у имперских солдат, чем как-то следили за нами, новокрымчанами.

Внутри было пусто и прохладно. Как и положено, красовался на стене Орел-с-Венком-и-Солнцем; а между окон, над чистыми столами – нет, никаких кричащих плакатов, никаких «взвейтесь!» да «развейтесь!» – только голографии: военная техника, танки, корабли, штурмовики, бомбардировщики. Не на параде, отнюдь. В бою. Некоторые так и вовсе даже подбитые.

² *Abteilung* (нем.) – батальон, имеющий в составе менее пяти рот. *Battalion* – батальон пятиротного состава.

...Танки, завалившиеся в кюветы, расплескавшие вокруг себя землю штурмовики... правда, их неизбежно окружала (и в гораздо большем числе) сожжённая техника врага.

Один снимок так и назывался: «Погибаю, но не сдаюсь!» Подпись, словно нарочно, сделана была на русском, а не на общеимперском, в основе которого, как известно, лежали английский и немецкий языки.

Тяжёлый «PzKw-VII» застыл, высоко задрал хобот пушки. В броневых плитах я насчитал двенадцать сквозных пробоин, машину расстреливали чуть ли не в упор, когда не осталось даже и следа от силового щита и активной брони. Гусеницы исчезли, сметённые взрывами, опорные катки сорвало с осей и разбросало по сторонам, борта покрыты жирной копотью. Несмотря на это, «панцеркампфваген» так и не взорвался. А вокруг него, чуть впереди и дальше, застыло никак не меньше двух десятков чужих машин – разорванных чуть ли не напополам прямыми попаданиями шестидюймовых оперённых снарядов и ракет «королевского тигра».

Снимок был хорош. Даже в гибели «тигр» казался величественным и грозным. И невольно думалось – что уж если погибать, то именно так, за рычагами боевой машины, когда вокруг догорают остатки чужих.

Вербовщики поворачивали дело так, словно они даже и не лгут. Да, у нас погибают. Но смотрите все, как у нас погибают!.. Достойный мужчины, воина финал. Ты сделал всё, что мог. Кто сможет – пусть сделает больше.

...И, наверное, такая смерть – лучше, чем от Альцгеймера.

Кое-где под голографиями попадались набранные мелким шрифтом пояснения. Под привлёкшим моё внимание «королевским тигром», например, – «Танк 503-го отдельного танкового батальона, героически погибший при ликвидации Жлобинского инцидента». Или вот здесь, ниже: «Штурмовики „Хе-129-бис“ уходят на подавление огневых точек противника. Ликвидация последствий Утрехтского инцидента».

Они называли их «инцидентами». Не восстаниями, не мятежами. Инцидентами или же просто «событиями». «Трагические Босвортские события лишь усилили сплочённость граждан нашей Великой Империи вокруг Его Императорского Величества кайзера...»

За большим серым столом, под портретом Его Императорского Величества кайзера Вильгельма III сидела девушка в форме – блондинка, «блицметал», чёрный парадный мундир с серебряным аксельбантом, широкие серебристые же погоны, на них две четырёхугольные «розетки» – девушка пребывала в чине обер-лейтенанта. Между прочим, сей младший офицерский чин десантных войск приравнялся к гауптманну или риттмейстеру обычной пехоты или даже танкистов, так что...

На левой стороне мундира девушки тянулся двойной ряд орденских колодок. Как говорится, весь набор. «За пролитие крови» и «За отвагу», «Мужество и честь» третьей степени, так, так... а вот это уже интереснее.

«За взятие Утрехта» – значит, наша «блицметал» была там, подавляла самый крупный за всё время существования Империи военный мятеж, относительно хорошо, со шведской основательностью, организованный и подготовленный.

Говорят, на месте Утрехта не осталось даже руин. Говорят также, что «Танненберг» не взял тогда ни одного пленного. А что случилось с тамошними – нет, даже не с мятежниками, а со всеми остальными, кто прятался по подвалам, в ужасе ожидая, чем же всё это закончится, – до сих пор в точности никто не знает.

Слышал я, что их продали в рабство Чужим.

Только тут я поймал себя на мысли, что во всех деталях рассмотрел регалии *dame*³ обер-лейтенанта, погоны, нашивки и прочее – но мне и в голову не пришло взглянуть ей

³ *Dame* (имперск.) – госпожа.

в глаза. Прикинуть хотя бы, хорошенькая или нет. Чёрт возьми, мне даже было всё равно, какие у неё ноги!.. Словно вовсе и не женщина передо мной оказалась, а так, манекен из витрины ателье военного платья «Венок и Солнце».

– Чем могу служить, гражданин? – услышал я сдержанно-холодный голос.

Гражданин. Ну да, Новый Крым уже лет десять как заслужил право на имперское гражданство. Потому что уже давным-давно у нас не было никаких беспорядков. Да, имели порой место несчастные случаи с патрулями... но это ж, как говорится, единичные примеры, исключения, подтверждающие правило. И далеко, далеко не все планеты в ближайших и дальних окрестностях пользовались этой привилегией. На Бете Ворона до сих пор осадное положение, на Сигме Колесницы только-только режим смягчили до «частичного поражения в правах». Оттуда тоже возьмут в армию... но, говорят, такие ребята долго не живут. Попадают почему-то в самые «горячие» места. Зато уж те, кто себя показал, – они да, они карьеру сделают.

– Желаю... э-э-э... добровольно выражаю желание вступить... э... в ряды доблестных имперских вооружённых сил, – стараясь, чтобы это прозвучало не слишком по-идиотски, сказал я.

Глаза госпожи обер-лейтенанта я разглядел только сейчас. Красивые глаза. Большие глаза, серые, правда, чуть холодноватые. Больше, чем у Дальки.

Госпожа обер-лейтенант чуть склонила голову набок, молча и с удивлением меня рассматривая. С брезгливым таким изумлением, словно я произнёс в её дамском присутствии совершенно непозволительные слова. Не знаю, что уж она там себе подумала, – но из-за стола она соизволила встать, подошла ко мне вплотную, пристально взглянула на меня снизу вверх. Очень так хорошо снизу вверх, но притом я ни секунды не сомневался, что меня, если надо, в момент завяжут тройным морским скользящим узлом, причём я даже пикнуть не успею.

Не самая приятная уверенность, можете мне поверить.

– А почему бы тебе не пойти и просто не утопиться в вашем замечательном море, гражданин? – вдруг спокойно сказала она. – Ты сберёг бы имперской казне немало марок, гражданин.

Признаюсь честно, от таких её слов я, как бы это выразиться, обалдел. Не нашёлся даже, что сказать. Хлопал глазами, словно рыба-весталка, и молчал.

Госпожа обер-лейтенант обошла меня кругом, при этом лицо её выражало такое презрение, словно перед ней оказалась целая куча, пардон, китовых экскрементов, ну, песчано-мелководного кита, как все понимают. Земноводного то есть.

– Ходят тут всякие, – тоном заправской торговли с нашего Привоза сообщила мне госпожа обер-лейтенант. Точнее, не мне, а раскорячившему крылья на стене Орлу-с-Венком-и-Солнцем. – Ни мозгов, ни характера, ни, на худой конец, просто мускулатуры! А имперский паёк все хотят. И что у меня за работа – с такими исключительными ослами дело иметь?..

Наверное, после этих слов ожидалось, что от стыда мои бедные уши покраснеют, почернеют, засохнут, свернутся в трубочки, отвалятся и улетят по ветру, а сам я елико возможно быстро очищу помещение, закрыв за собой дверь с той стороны.

Однако я помещение не очищал. Глазами хлопал, что правда, то правда, краснел – тоже верно, но всё-таки не уходил.

Обер-лейтенант выждала, наверное, целых две или три минуты. Потом раздражённо, с грохотом выдернула ящик, с отвращением швырнула на стол красную, белую и жёлтую формы.

– Заполняй, – процедила она сквозь зубы. – Заполняй, а я стану рассказывать, что тебя ждёт, гражданин. Как-никак, мне за это Империя деньги платит.

Я принялся за дело, а госпожа обер-лейтенант в это время мерила комнату шагами, методичным неживым голосом повествуя об ужасах, что ждут меня, окажись я настолько глуп, что таки решусь пойти на службу Его Императорского Величества. Можно было подумать, что бедняжке приходится повторять это по двадцать раз на дню, хотя я точно знал, что за все годы с Нового Крыма завербовалось всего пять человек.

Я становился шестым.

Впору вешать голографическое фото на доску почётных граждан.

* * *

Тренировочный лагерь «Танненберга» расположился на самом северном и самом большом из наших островов. Когда Новый Крым только заселялся, остров в шутку называли Сибирью, и нелепое имя приклеилось, да так, что и не отодрать. Мало кто вспоминал, что официально остров прозывался Островом Адмирала Нахимова, причём на имперских картах указывалось именно это название, а на наших, местных, изданных на Новом Крыму, поперёк всего зелёно-коричневого изогнувшегося дракона тянулось: «Сибирь».

Сибирь заселена была совсем слабо. Несколько крошечных городков, наверное, с тысячу фермерств. Единственная на Новом Крыму горная цепь, вытянувшаяся вдоль северного побережья. Немного леса, я имею в виду обычного леса, а не тропических джунглей, заполнявших, к примеру, место Нового Севастополя, когда пионеры только ступили на планету. «Танненберг» держал одну роту в столице Нового Крыма, боевые, кадровые вторая, третья и четвёртая роты, разделённые на взводы и отделения, базировались по всей планете, во всех сколько-нибудь значимых пунктах. Плюс к тому пятая рота, учебная, как раз и стояла в сибирском тренировочном лагере. Там же, где помещались штаб, части усиления, инженерный взвод, взводы связи, разведки, рота тяжёлого оружия, медицинский взвод и тылы. Имперцы не делали секрета из своего расположения, каждый мальчишка знал, сколько их и где они.

Было в этой открытости что-то сугубо неправильное. Не так должны вести себя завоеватели на покорённой планете. Другое дело, что планете, похоже, не так уж и хотелось освободиться.

Меня могли облить презрением за намерение поступить на имперскую службу, но самим застрелить, к примеру, патрульного – это, само собой, было выше «их» сил.

Из Нового Севастополя я летел обычным рейсом «Столичных Авиалиний». Вербовщики просто забронировали мне место на лайнере, и восемь часов спустя я уже стоял на бетоне Владисибирска, городка, служившего административным центром острова. Оттуда меня увозили уже на армейском вертолёте. Я был единственным рекрутом на борту. Напротив сидел мрачнейшего вида верзила с погонами штабс-вахмистра – чёрное поле, серебряная окантовка, три серебряные же четырёхугольные «розетки». В имперской армии это – очень много, почти что офицерский чин.⁴

Верзилу звали Клаус-Мария Пфферцегентакль, и ему предстояло сформировать пятый учебный взвод пятой – учебной же – роты «Танненберга». Остальных рекрутов должен был

⁴ Имперская «табель о рангах»: 1 – гренадёр (десантник, канонир, сапёр, санитар и пр.), 2 – обер-гренадёр, 3 – ефрейтор, 4 – обер-ефрейтор, 5 – штабс-ефрейтор, 6 – унтер-офицер, 7 – унтер-фельдфебель (унтер-вахмистр в десанте), 8 – фельдфебель (вахмистр), 9 – обер-фельдфебель (обер-вахмистр), 10 – штабс-фельдфебель (штабс-вахмистр) – высший из неофицерских чинов. Далее уже идёт «белая кость»: 11 – юнкер (кандидат на офицерский чин), 12 – лейтенант, 13 – обер-лейтенант, 14 – гауптманн (риттмейстер в частях разведки и спецназначения), 15 – майор, 16 – оберст-лейтенант, 17 – оберст (высший из старшего офицерского состава). Дальше следует генералитет: 18 – генерал-майор, 19 – генерал-лейтенант, 20 – генерал, 21 – генерал-оберст, 22 – верхушка послужного списка: генерал-фельдмаршал.

доставить «Маргроу», старый штурм-транспорт, ныне таскавший пушечное мясо Империи с планеты на планету.

Откуда я об этом узнал? К моему полному удивлению, господин штабс-вахмистр Пферц... выложил мне всё это, едва вертолёт оторвался от земли, тем же мрачным, лишённым выражения голосом, которым он зачитывал мне правила безопасности полётов.

Рекруты пошли полное барахло, гудел он, глядя куда-то поверх моей головы. Никуда не годятся, даже на мишени. Дохнут как мухи. С ними ничего даже не успеваешь сделать. Их даже нет смысла наказывать – вешаются, топят, бросаются на колючую проволоку, которая, само собой, под током. А потом ему, честному вахмистру Пферц... приходится соскребать с асфальта их дерьмовые кишки и прочую требуху, потому что все остальные рекруты тут же зеленеют, блюют и отделениями падают в обморок, словно монахини при виде голого мужчины. И никакими силами, ни стеком, ни плетью, ни даже пожарным гидрантом их невозможно привести в чувство.

Короче, всё было отвратительно. До чего ж надо дойти, чтобы гонять вертолёт за одним-единственным рекрутом, да ещё вдобавок с этой самой планеты, где нет ничего, кроме воды да уродских китов, от которых его, честного штаб-вахмистра Империи, уже тошнит.

Я молчал. Рекруту, ещё даже не рядовому, не полагается заговаривать с господином штабс-вахмистром. Сидел, выкатив глаза, как велит устав, и молчал. Слушал.

Получалось, что я влип. У рекрута не было никаких прав. Его можно убить на учениях, и никто не понесёт наказания. «Несчастный случай в обстановке повышенного риска». Его можно заставить выполнять сколь угодно глупую команду, и он не сможет пожаловаться вышестоящему командиру. «Приказы не обсуждаются, они выполняются».

Наверное, господин вахмистр ожидал ужаса в моих глазах. Наверное, он ожидал, что я расплачусь и буду умолять его порвать контракт, – голубой конверт с имперским орлом, где лежали все мои бумаги, господин вахмистр нарочито держал на виду. Наверное, это была последняя возможность избежать службы – отец говорил мне, такое случалось. Несостоявшемуся рекруту предлагалось только оплатить расход горючего для вертолёта.

Однако я молчал. Не открывал рта. Даже для положенного уставом «Осмелюсь обратиться, господин штабс-вахмистр».

И настал момент, когда господин штабс-вахмистр Клаус-Мария Как-его-там выдохся. Устал перечислять беды и напасти, долженствующие обрушиться на мою бедную голову. Замер, словно даже в некотором недоумении. Побарабанил пальцами по жёсткому сиденью. Подкрутил усы. Прокашлялся.

Я молчал. Рекруту не полагается открывать рта.

Господин штабс-вахмистр Пферц... усмехнулся и полез в карман маскировочной куртки за сигарой. Аккуратно срезал кончик, щёлкнул зажигалкой, раскурил, выдохнул дым – разумеется, прямо мне в лицо. Движения у него были подчёркнуто отточенные, словно раскуривание сигары входило в список обязательных строевых приёмов.

– Разрешаю обратиться, рекрут, – процедил наконец господин штабс-вахмистр, окутываясь сизым сигарным дымом.

– Осмелюсь доложить, господин штабс-вахмистр, не могу знать, о чём обращаться! – елико возможно выпучив глаза, отбарабанил я.

– Не можешь знать, швабра крымская, – передразнил меня Клаус-Мария. – Ну, раз так, то я тебя спрошу. Как будущий твой старший мастер-наставник. Зачем ты пошёл на имперскую службу, рекрут? Я смотрел твоё досье. Из богатой семьи. Твой папочка мог отваливать тебе на карманные расходы больше денег, чем я получаю денежного довольствия за год. Свобода. Красивые девчонки. Незамутнённое будущее. Старший наследник. А ты идёшь и

записываешься в солдаты. Можешь не сомневаться, шкуру с тебя спустят, и не раз. Так на кой тебе этот дьявол, рекрут?

Для меня это вопрос не праздный. Может быть, нам с тобой придётся идти в бой, рекрут. Прикрывать друг другу спину. И я, знаешь ли, не желаю, чтобы мою спину продырявил бы какой-нибудь паршивый инсургентишка, продырявил бы только потому, что такой вот рекрут, как ты, валялся бы без чувств от страха и с полными штанами дерьма. Вопрос понятен, рекрут? Отвечай!

Теперь отмолчаться я уже не мог.

– Разрешите отвечать, господин штабс-вахмистр?

– О господи, тупица крымская! Я тебе это приказал уже! Говори давай!

– Осмелюсь доложить, господин штабс-вахмистр, желаю служить Империи. Испытываю влечение к военной службе. Мечтаю получить офицерский чин. Ведь Империя не делает различий в крови и рождении.

– Прямо как по уставу шпаришь, – очередной клуб сигарного дыма. – Оставь это дерьмо девочкам-вербовщицам. Им паёк отработать сложно. Вот и готовы слушать всякий бред. Только я, Клаус-Мария Пфферцегентакль, не из таковских. Я твоего брата рекрута повидал столько, сколько тебе за всю жизнь не увидеть. И могу сказать, где чушь собачья, а где настоящие слова. Ну, давай, рекрут, колись. Говорю тебе, мне моя спина дорога. Не желаю подставлять её под пули из-за чьей-то там глупости, трусости или измены. Говори правду, рекрут. Что тебя сюда понесло?

– Осмелюсь доложить, господин штабс-вахмистр, старший мастер-наставник, не имею чести быть наследником неделимого майората, – отпраповал я. – Мой уважаемый отец счёл за лучшее поставить во главе семейных предприятий моего брата.

– Гм... – прищурился вахмистр. – Уже теплее, рекрут. Уже лучше. Это мы проверим, не сомневайся, так что лучше тебе не врать. Перевод, разумеется, легально зафиксирован, должным образом оформлен в присутствии необходимых свидетелей и всё такое прочее?

– Так точно, господин штабс-вахмистр!

– А почему же твой почтенный батюшка такое учинил? Оставил старшего сына без гроша в кармане? Ты что, пил? Или в карты играл? Или за девками гонялся?..

– Никак нет, господин штабс-вахмистр!

– Тогда что же?

– Мой брат отличается большими способностями к ведению дел, господин штабс-вахмистр. Мне это скучно, господин штабс-вахмистр. Я не смог бы управлять семейной собственностью на должном уровне, господин вахмистр. А у меня много братьев и сестёр, господин штабс-вахмистр, девочкам нужно приданое, мальчишек надо определить в хороший университет...

– Во-во, – проворчал вахмистр. – В хороший университет... богатые, все вы одним миром мазаны. Спасибо его императорскому величеству, у меня о подобном голова не болит. Выслужил имперскую стипендию своим отпрыскам. Ладно, рекрут, будем считать, ты мне ответил. Когда рекруту некуда возвращаться, это хорошо. А что хорошо для «Танненберга», хорошо и для меня. Отбой, рекрут. Можешь сесть вольно. Скоро на месте будем.

...Не знаю, поверил он мне или нет, но расспросы прекратил. И молча курил, сигару за сигарой, всё то время, пока вертолёт молот винтами воздух, направляясь к тренировочному лагерю «Сибирь».

* * *

Тренировочный лагерь ничем не отличался от сотен и сотен других таких же, похожих на наш, словно однояйцевые близнецы. Стандартные бараки, крашенные камуфляжными

разводами. Колючая проволока вокруг. Ну и так далее. Не стоит даже описывать. Любой, бывший в армии, с лёгкостью додумает всё остальное.

...После неизбежных душа и медосмотра меня погнали к каптенармусу. В этой должности состоял пожилой уже вольнонаёмный немец, которого все звали просто Михаэлем. Обмундирование мне, против моего ожидания, выдали новое, а не хб/бу, в дополнение к тому комплекту, что я получил ещё в вербовочном пункте.

– Не напасёшься на вас, – только и запомнил я ворчание каптенармуса. – Горит на вас всё, что ли?..

Старый Михаэль был совершенно прав. На нас всё горело. Точнее говоря, на нас всё старательно жгли.

* * *

– Раз-и-два-и-три-и-четыре, ногу ровней! Шаг твёрже! Зборовски, плечи! Ригланд, осанка! Келхау, брюхо втяни! Келхау, тебе говорю, втяни, урод, пока не схлопотал!.. Раз-и-два-и-три-и-четыре, чётче шаг! На плечо!.. Отставить!.. Стадо беременных макак, а не рекруты. Разве так выполняется команда «На плечо!» в движении?.. Раздвакряк, как, согласно уставу, должна выполняться вышесказанная команда?

– Осмелюсь доложить, господин штабс-вахмистр, моя фамилия Росдвокрак, господин старший мастер-наставник!

– А-а-атставить! Рекрут Раздвакряк, если я сказал, что твоя сраная фамилия, которую только на туалетной бумаге и печатать, Раздвакряк, значит, так оно и есть! Два наряда вне очереди. Чистить «очко». Что молчишь, рекрут?.. Забыл, как отвечать в таких случаях? Ещё нарядов подкинуть, память твою оживить?..

– Виноват, господин штабс-вахмистр, есть два наряда вне...

– Три. За непонятливость.

– Есть, господин старший мастер-наставник, три наряда вне очереди...

– Уже лучше. Ну, так что у нас там насчёт команды «На плечо!», Раздвакряк?

– Э-э-э... осмелюсь доложить, господин вахмистр, команда «На плечо!» в движении выполняется в три приёма. Приём первый...

* * *

– К построению, обезьяны, к построению! Ста-ановись! Ра-авняйсь! Смир-рна! Шагом... арш! Так, хорошо, уже лучше, лучше. Теперь – песню! Запевай!

Запевай... Петь эту погань... ничуть не изменившуюся за все долгие годы...

– А тебе особое приглашение требуется, Фатеев?! – гаркает штабс-вахмистр. И я подхватываю вместе с остальными...

Die Fahne hoch die Reihen fest geschlossen
S. A. marschirt mit ruhig festem Schritt
Kam'raden die Rotfront und Reaktion erschossen
Marschier'n im Geist in unsern Reihen mit...⁵

⁵ «Сомкнув ряды, подняв высоко знамя, Штурмовики идут, чеканя шаг...» Начальные строчки «Хорст Весселя», одного из «гимнов» Третьего Рейха. Автор приносит свои извинения всем, кого могло оскорбить приведение этих строк в романе, однако в данной ситуации они совершенно необходимы.

Хочется как следует прополоскать рот. Чем-нибудь обеззараживающим. Пять десятков здоровых глоток немзыкально орут во всю мощь, компенсируя тем самым полное отсутствие как слуха, так и голоса. Другое дело, что во всём взводе, наверное, один я понимаю, *что это за песня...* И почему ни один порядочный человек вообще-то петь её не станет, находясь в здравом уме и трезвой памяти.

Die Strasse frei den braunen Batallionen,
Die Strasse frei dem Sturmabteilungsmann.
Es schau'n auf's Hackenkreuz voll Hoffnung schon Millionen.
Der Tag für Freiheit und für Brot bricht an.

Ну и так далее и тому подобное. Уже не столь интересно.
...Уж лучше эта:

Es braust ein Ruf wie Donnerhall,
wie Schwertgeklirr und Wogenprall:
«Zum Rhein, zum Rhein, zum deutschen Rhein!
wer will des Stromes Hüter sein?»
Lieb Vaterland sollst ruhig sein,
fest steht und treu die Wacht, die Wacht am Rhein.⁶

Конечно, официальный имперский не тождествен тогдашнему немецкому. Нас заставляли учить три языка. «Классический немецкий», против него я ничего не имел. Шиллера, Гёте и Гейне надо читать в оригинале. Общеимперский, без него не обойдёшься. Новокрымский университет наперекор всем эдиктам и приказам продолжал учить на русском, а вот если выберешься со своей планеты... Эсперанто так и не прижился как универсальный язык, хотя мы его тоже учили. Несколько планет использовали его в качестве официального.

...Я повалился на койку. Мутило невыносимо, голова кружилась, и казалось – подняться на ноги я не смогу уже никогда. Вот уж не думал, что окажусь таким слабаком. Всегда тренировался, всегда считал, что уж имперские нормативы выполню с лёгкостью – они ведь должны были быть рассчитаны на совсем ни к чему не готовых новобранцев, которые в жизни своей ничего тяжелее вилки в руках не держали.

Куда там. Похоже, нормативы специально сделали невыполнимыми. Ну скажите мне, кто способен с ходу отжаться от пола сто раз или подтянуться на турнике пятьдесят раз?..

Но телесные боль и немочь – это ерунда. Пока ты веришь в своё дело.

А я верю. Верил и верю.

...Разумеется, имперские нормативы не мог выполнить никто. Наверное, они такими и были задуманы – показать новобранцам, что никто из них ни на что не пригоден, и внушить уважение к старослужащим, с лёгкостью выполнявшим те же ужасавшие нас нормативы.

* * *

...Скоро я начал привыкать. Человек привыкает ко всему, особенно если ему некуда возвращаться. Мне было некуда. Само собой, я не получал никаких писем. Друзья отвернулись, Далька... само собой. Я не ходил в увольнительные. Добровольно записался на дополнительные занятия рукопашным боем по воскресеньям – у того самого господина штабс-вахмистра, сиречь старшего мастер-наставника Клауса-Марии Пферцегентакля. Остальные

⁶ Начальная строфа «Стражи на Рейне». Автор счёл за лучшее оставить *это* без перевода.

рекруты наслаждались воскресной свободой или, во всяком случае, её иллюзией. Вокруг тренировочной базы возник небольшой военный городок, где можно было найти все те нехитрые удовольствия, что Империя считала допустимыми для своих солдат. Разумеется, все виды виртуальных развлечений, старое доброе казино и, конечно же, ну, конечно же, – девочки. С чувством известной гордости я узнал, что шлюх сюда пришлось завозить с других, куда более бедных планет. Ни одна уроженка Нового Крыма не соблазнилась длинной имперской маркой. Что, конечно, делало нам честь...

Девушек было много и на все вкусы. Высокие и низкие, стройные и «приятной полноты», молчуны и хохотушки, блондинки, брюнетки, шатенки и рыжие; говорили, даже есть пара лысых, на особо утончённых любителей. Самое смешное, что от солдат девушки не получали ничего – только расписку «об оказании услуг», каковая расписка впоследствии предоставлялась в канцелярию базы для получения «соответствующего вознаграждения согласно действующему законодательству». Что, в свою очередь, не позволяло «подружкам» уклоняться от уплаты подоходного налога (хоть и срезанного втрое по сравнению с остальными гражданами Империи).

Я к «феечкам», само собой, не заглядывал. И после пятого подряд воскресенья, проведённого в казарме и спортивном зале, получил приказ явиться к политпсихологу нашей роты. Гауптманну фон Шульце. Dame гауптманну.

Был понедельник – как известно, день тяжёлый. Я проверил, достаточно ли надраены ботинки и пуговицы, кокарда на берете, пряжка на ремне, и пошёл являться. Ничего хорошего, само собой, я от вызова к начальству не ждал, но с другой стороны – ко мне не так и просто подкопаться. Взысканий у меня нет, даже две благодарности за отличия в строевой и физической подготовке. Дисциплину не нарушаю. Со штабс-вахмистром господином Клаусом-Марией Пферц... не спорю, в отличие от рекрута Росдвокрака, не забывающего всякий раз напомнить господину вахмистру, что его фамилия никак не Раздвакряк, и потому непрерывно чистящему «очки» в туалете.

Бояться мне нечего.

Тем не менее предчувствия у меня были самые дурные.

Я постучался в дверь – по уставу, три стука умеренной силы, не больше, услышал уставное же «Входите!» и открыл дверь.

Dame гауптманн была воистину бой-бабой. С неё запросто можно было б ваять Валькирию для нового Имперского Театра имени Рихарда Вагнера. Высокая и широкоплечая, с монументальным, точно и впрямь из мрамора вырезанным лицом. Красивым, геометрически правильным лицом. В идеально пригнанном мундире с рядом орденских колодочек, причём не за выслугу лет, а так называемых «боевых», которые можно заслужить, только побывав под огнём. И я уже успел узнать, что такие колодочки по блату не заработаешь, будь ты любовницей хоть самого государя императора.

– Dame hauptmann, по вашему приказанию рекрут...

– Отставить! – скомандовала dame голосом, каким только возглашать наступление Рагнарёка. – Вольно, рекрут. Можешь сесть. Хотя вызов я тебе отправила по всей форме, разговор у нас неофициальный. Пока.

Я сел на краешек жёсткого стула, всем видом своим изображая полную и абсолютную готовность. Неважно к чему.

– С тобой всё в порядке, рекрут? – вперив в меня взгляд истинно арийских серо-голубых глаз, осведомилась валькирия. – Как идёт служба?

Мой стандартно-уставной рапорт о том, что служба идёт хорошо, жалоб у меня нет и я всем доволен, госпожа гауптманн прервала небрежным взмахом руки.

– Отставить, рекрут. Что у тебя за первый месяц службы ни одного взыскания и уже две благодарности, я знаю. У меня к тебе вопрос как у политпсихолога, офицера, лично

ответственного за морально-психологическое состояние личного состава. Почему не ходишь к девочкам, рекрут? Почему отказываешься от положенных уставом увольнительных? Это необычно, рекрут, и это меня тревожит. Вижу, ты удивлён. Ладно. Поскольку ты парень явно неглупый, скажу тебе вот что. Исследования императорских военных психологов показали неопровержимую отрицательную зависимость всех показателей солдата от его, солдата, физиологической удовлетворённости. Выразусь проще, рекрут: солдат, не трахающий девок, – плохой солдат. Солдат с проблемами. Солдат, у которого возрастает психофизическое напряжение. Которое затем приведёт к срыву. А нам, «Танненбергу», этого не надо. Я посмотрела твои анкеты, рекрут, – ты охарактеризовал себя как гетеросексуального индивида, имеющего стандартные гендерные предпочтения. Выражаясь простыми словами, тебе, согласно твоим утверждениям, не нужны ни малолетки, ни старушки, ни мальчики. Так в чём проблема, рекрут? Я решительно не желаю, чтобы в один прекрасный день у тебя зашли бы шарики за ролики и на практических стрельбах ты бы открыл огонь по своим товарищам. Всё понятно, рекрут? Жду ответа. И не вздумай ссылаться на то, что, мол, это твоё личное дело. В батальоне «Танненберг» у рекрутов личных дел нет и быть не может. Вот дослужишься хотя бы до фельдфебеля, тогда и личные дела появятся. А пока – отвечай!

Я сидел словно проглотив аршин и, согласно уставу, ел глазами начальство.

– Осмелюсь доложить, госпожа гауптманн, у меня была девушка, на гражданке.

– Знаю, – даме гауптманн не сводила с меня пристального взгляда. – Далия Дзамайте. Православная. Подданная Империи. Активный член интербригад. Криминальный файл чист. Политически неблагонадёжна, но в специальном надзоре не нуждается. Не выпучивай глаза, рекрут, ты отлично знаешь, что такую категорию имеют все граждане Империи новокрымского происхождения, за исключением тех, кто делом доказал свою преданность трону и его величеству. Ну, так и что?

– Осмелюсь доложить, госпожа гауптманн, мы поссорились. Но я не хочу изменять ей со... случайными знакомыми. Я надеюсь добиться примирения.

– Ага, – теперь уже госпожа гауптманн не то что «ела», а прямо-таки грызла меня глазами. – «Желаю добиться примирения»... И ты считаешь, что нормальная для всякого мужчины твоих лет полигамия не даст тебе это сделать?

– Так точно, госпожа гауптманн! – отчеканил я.

– Это вытекает из твоих религиозных предпочтений? – осведомилась она. – Я не нашла в православии ничего специально осуждающего «блуд», я имею в виду – нечто отличное от других конфессий.

– Никак нет, госпожа гауптманн! – гаркнул я, являя прямо-таки чудеса усердия в точном и скрупулёзнейшем следовании уставам. – Это вытекает из моего воспитания, госпожа гауптманн, так считают мои родители... Пока ты ещё надеешься помириться с... ты не должен... ну, вы понимаете.

– Я понимаю, – холодно кивнула она. – Ну так вот, рекрут, должна тебе сказать – мне это совершенно не нравится. Я не собираюсь ждать, когда у тебя семенная жидкость из ушей потечёт и ты окончательно взбесишься от воздержания. Необходимость твоего полноценного функционирования как боевой единицы в составе «Танненберга» требует уравновешенного психофизического состояния, каковое без регулярной и упорядоченной половой жизни достичь невозможно. Таковы официальные взгляды Академии Военной Психологии, и я намерена точно следовать изданным ею методичкам. Одним словом, чтобы в следующий понедельник в бухгалтерию поступил листок учёта соответствующих услуг за твоей подписью. Не поступит – пеняй на себя. Всё ясно, рекрут? Ты наш принцип знаешь – «не можешь – научим, не хочешь – заставим».

Я сидел, точно деревянный, выкатив глаза, и не шевелился.

Когда даме гауптманн закончила, я гаркнул что было мочи:

– Да, госпожа гауптманн, будет исполнено, госпожа гауптманн! Разрешите идти?

– Постой, – вдруг сказала она. – Ты вот тут гаркаешь, так что у меня аж уши закладывает. Ты меня не понял, рекрут. Придётся тебе прямым текстом всё объяснять. Проблемы свои на гражданке оставляй, рекрут. Не тащи их с собой. Армия на то армия, чтобы начать всё сначала. Это не в порядке приказа, а всего лишь доброго совета. Боюсь, ты ему не последуешь, но даю его всё равно. Чтобы самой спокойней было. Всё ясно, рекрут? Киваешь? Тогда нале-во, крру-гом, за дверь шагом марш! В следующий понедельник я бухгалтерию запрошу, так и знай.

* * *

Я привыкал. Всё-таки я был не заморышем-недокормышем, как большинство других рекрутов, привезённых в «Танненберг» с куда менее благополучных планет. В строю учебки я стоял на правом фланге. Высшее образование тоже сказывалось – университет наш маленький, не чета столичным имперским, но учат там на совесть. А я окончил его с отличием, получив диплом, по давней традиции именовавшийся «красным».

Большинство же моих товарищей по взводу не осилили даже средней школы. Так что невольно приходилось подпрягаться и помогать старшему мастеру-наставнику господину штабс-вахмистру Клаусу-Марии Пферц-как-его-там, потому что зачёт в армии, как известно, «по последнему».

Стрелять я умел и любил с детства, плавал как рыба, ничем, впрочем, не выделяясь тут среди остальных моих сверстников, рождённых на Новом Крыму. И ещё – я открыл для себя секрет выживания «в рядах»: ты должен верить во всё, что ты делаешь, и относиться ко всему с полной серьёзностью. Потому что иначе неизбежный армейский маразм затянет и тебя тоже. Солдат есть автомат, к ружью приставленный, – так, если я не ошибаюсь, говаривал небезызвестный Фридрих Великий, король Пруссии. Многожды битый, правда, русскими войсками, о чём нынешние официальные историки предпочитали умалчивать или ссылаться на «неоднозначность источников».

Само собой разумеется, в следующий понедельник бухгалтерия получила от «подружки» соответствующим образом оформленный «листок». Само собой разумеется, у нас с девушкой ничего не было. Я просто сказал ей, что устал и хочу элементарно побыть в тишине, посидеть на кухне и попить чайку. Ничего больше. «Танненберг», надеялся я, не дознается, как именно я провожу время. Девушка донести бы не должна – зачем ей это? Ничего не делала, смотрела себе мыльную оперу, а денежки – и немалые – в это время капали себе да капали. Кто ж от такой халавы откажется, думал я...

В понедельник господин штабс-вахмистр устроил нам двадцатикилометровый марш-бросок в полной выкладке. Разумеется, с зачётом «по последнему». Разумеется, последние три километра мне пришлось тащить на закорках вконец выбившегося из сил рекрута Раздвакряка.

А после марш-броска, едва только мы выползли из бани, меня поздравил уже наш собственный лейтенант. Командир пятого учебного взвода, где погонялой состоял господин штабс-вахмистр Клаус-Мария Пферцегентакль.

Приказание явиться мне передал рекрут из другого учебного взвода, сказав, что лейтенант ждёт меня на полосе препятствий и чтобы я поторопился. Морда у рекрута была при этом донельзя злорадная. Я знал, что меня считали «командирским подлизой» – правда, исключительно за то, что не могли со мной сравниться ни на беговой дорожке, ни в тире, ни на перекладине.

Я побежал являться.

Лейтенант стоял возле грязевого рва, жевал стебелёк. Не в обычной форме, какую носили почти все офицеры учебной роты, в полевом камуфляже, надевавшемся, только если командиру предстояло делать что-то вместе и наравне со своими солдатами.

Чётко по уставу, за шесть шагов до офицера я перешёл на строевой шаг, впечатывая каблуки в землю так, что летели брызги. Отрывисто вскинул ладонь к берету, отрапортовал.

– Вольно, рекрут, – сказал лейтенант. Выплюнул стебелёк, заложил руки за спину. – Я посмотрел твой формуляр, рекрут. Весьма похвально, должен сказать тебе. Весьма похвально. Всё сдано на «отлично с плюсом». У нас в роте давно уже не было такого рекрута. Тебя прямо для журнала снимать можно. Знаешь «Императорский Десантник»? Вот там тебе самое место.

Никогда не показывай, что понял иронию или скрытый смысл. Ты – рекрут, солдат, автомат, к винтовке приставленный. Вот и води себя соответственно.

Выкатив глаза и поедая оными начальство, я гаркнул:

– Премного благодарю, господин лейтенант!

Тот как-то не слишком хорошо нахмурился. Стянул губы в тонкую беловатую линию. Выразительно поднял бровь.

– Рекрут, – проникновенно сказал лейтенант. – Не прикидывайся идиотом. Человек с высшим образованием и высшими оценками по всем предметам просто не может быть таким. О да, ты сейчас идеальный солдат. Другие командиры взводов завидуют мне чёрной завистью. А у меня очень сильное ощущение, что я говорю с человеком, вступившим в ряды имперских вооружённых сил исключительно с подрывными намерениями.

Я молчал. И лишь усердно пялил глаза.

– Что молчишь, рекрут? Язык проглотил?

– Осмелюсь доложить, господин лейтенант, не могу знать, что говорить! Вы ведь не задали мне никакого вопроса, господин лейтенант.

– Ишь ты! – усмехнулся лейтенант. – И верно, не задал. Университетский диплом не скроешь. Хорошо, рекрут. Вот мой тебе вопрос – можешь ли ты доказать, что вступил в ряды не с подрывными целями?

– Никак нет, не могу, господин лейтенант, – отрапортовал я. – Осмелюсь доложить, господин лейтенант, невозможно доказать существование несуществующего. Но точно так же невозможно доказать его несуществование. Я стараюсь быть хорошим рекрутом, господин лейтенант, вот и всё. Вы знаете, что я уже не наследник семейного дела и капиталов. Мне остаётся только искать счастья в иных местах. А Империю я полагаю как раз таким местом, господин лейтенант.

– Твой отец лишил тебя наследства, я знаю, – кивнул головой лейтенант. – Особый отдел проверил это обстоятельство особенно тщательно. Ты действительно вычеркнут из всех бумаг. Твои акции переведены на второго брата, Георгия. Всё верно. Но ты – образованный, имеешь опыт работы. Почему не попытался устроиться к кому-то другому? На Новом Крыму немало процветающих морехозяйств, пусть даже и не столь обширных, как латифундия твоего почтенного батюшки.

– Осмелюсь доложить, никто не принял бы меня на работу, господин лейтенант. Сделать так – нанести несмыслимое оскорбление всей моей семье. С моим уважаемым отцом стараются не ссориться. Считается, что ему виднее. И если он не доверил управление семейным делом мне, почему же должны доверять другие?

– Резонно, – кивнул лейтенант. – Но необязательно сразу же становиться главным управляющим. Можно начать снизу. Доказать, проявить себя... А потом, глядишь, и твой отец изменил бы мнение.

– Господин лейтенант, мне... мне скучна коммерция. Я не хочу бултыхаться в садках и пересчитывать молодёжь. Рыбу я предпочитаю в варёном или жареном виде, но никак не в живом и плавающем.

Лейтенант кивнул.

– Ладно, рекрут. Считай, что ты меня убедил. Пока не появилось прямых доказательств измены, я особистам тебя не отдам. А то они уже рвутся в бой... со своими оперативными разработками...

В его голосе звучало плохо скрытое презрение – извечное презрение боевого офицера неважно какой армии к секуристам и сигуранцам всех мастей и калибров.

– Ты на самом деле хороший рекрут, – сказал он, пристально глядя мне в глаза. – Ты хороший рекрут, так не становись же плохим шпионом.

* * *

ШИФРОВКА 1

Салим – Баклану.

Прибыл. Устроился. Салим.

ШИФРОВКА 2

Баклан – Салиму.

Ничего не предпринимать вплоть до специального указания.

Искать контакты в верхах. Баклан.

* * *

Сказать, что в казарме меня не любили, – значит ничего не сказать. Не просто не любили – тихо ненавидели. За что? – за всё. Что мог отжаться от пола пятьдесят раз и не запыхаться, сделать «подъём переворотом» тридцать раз, когда у остальных едва-едва два-три раза получалось. Что ни разу не запутался в последовательности сборки-разборки штурмовой винтовки и на стрельбах выбивал девяносто очков из ста с предельной дистанции. Я старался не терять бдительности. «Тёмная» – дело такое, что и чемпион мира по рукопашному бою не справится. А я, само собой, чемпионом не был.

В учебной роте «Танненберга» было пять взводов. По пятьдесят пять рекрутов в каждом. Пятьдесят пять рекрутов, штабс-вахмистр и просто вахмистр, его заместитель. Во взводе – пять отделений, по десять человек, и одиннадцатый – командир. Ефрейтор. Из рекрутов. Получающий пятнадцатипроцентную надбавку к окладу жалованья и имеющий право на два дополнительных дня отпуска. Достаточно много, чтобы к этому стремиться.

Когда я только оказался в «Танненберге», меня удивило полное отсутствие «истинных арийцев» среди рядовых нашего взвода, в то время как офицерские списки кишмя кишели фонами и баронами. Я оказался не прав. Четыре других взвода наполовину состояли из имперцев, как мы привыкли их называть.

Большинство – тоже фоны. Так они начинали службу. Я с удивлением узнал, что без двух лет солдатчины даже самого разбаронистого барона не примут ни в одно военное училище. Но хватало и просто парней «стержневой нации», как их официально именовали имперские справочники. Эти явно готовились в клаусы-марии пфэрц... то бишь в вахмистры. Так что выделялся только наш взвод. И, само собой, вечно оказывался в хвосте по всем показателям. Светловолосые и сероглазые имперцы, фоны и не-фоны, как выяснилось, не ботфортом трюфеля хлебают. Из всего нашего взвода с ними потягался бы один я да ещё

пара-тройка ребят, по происхождению вроде б не то чехов, не то поляков – они и сами не знали. Но меня, само собой, терпеть не могли. И все обиды, причиненные их странам – когда на Земле ещё были страны – моей Россией, – помнили наизусть. И охотно перечисляли. По поводу и без повода. Остальные в нашем взводе – недокормыши-китайцы, другие из Азии – ещё «не набрали мышцу», как говаривал герр штабс-вахмистр.

Служба шла своим чередом. Это было как спорт, только для меня ставка была куда больше. Не так уж трудно оказалось выделиться на фоне остальных в моём отделении. Очень быстро я получил значок «обер-рекрута» – узкую поперечную полосу серебристого цвета на чёрный погон. За, как говорится, успехи в боевой и политической подготовке.

...Это было наше первое задание. Полоса препятствий, но не обычная наша тренировочная. Преодолеть эту, новую, поодиночке было невозможно. Перед нами чуть ли не до самого горизонта тянулся настоящий хаос – и глубокие рвы, заполненные жидкой грязью, и закопчённые остовы зданий, где в пустых оконных проёмах гудел огонь – для наших тренировок напалма не жалели. Паутины колючей проволоки, и нелепо торчащие прямо посреди поля скалы, обойти которые нельзя по условиям игры, и раскинувшееся болото, над которым поднимались зеленоватые дымки испарений, – кусочек знаменитых живых болот Дельты Дракона, приближаться к которым предлагалось лишь исключительно после «высокотемпературной пламенной обработки до уровня гарантированного выгорания органики». Какие-то джунгли, которых я не узнал. Ну и, само собой, деревянные стены метров шесть высотой, свисающие с железных балок канаты, лабиринты решёток, с разлитой по земле горячей нефтью, и прочие прелести. На холмике, как мне показалось, я различаю забетонированное пулемётное гнездо, но эту мысль я отмёл, как бредовую. Не собирается же «Танненберг» погнать всех своих рекрутов под кинжальный огонь!

– Взвод!.. слушай мою команду! – проревел над самым ухом господин штабс-вахмистр. – По отделениям... согласно списку... разберись! Дела-ай – раз!

Надо сказать, дружили нас всё-таки не зря. Почти никто не налетел друг на друга, не сцепился автоматами, не въехал соседу по носу трубой гранатомёта, и даже при этом почти все ухитрились выстроиться по росту.

Но герр Клаус-Мария Пферц... само собой, остался недоволен.

– Стая страдающих запором гиппопотамов! – гаркнул он. – Стыд, позор и поношение!.. Слушай сюда, гамадрилы геморройные. Перед вами – полоса препятствий. Дистанция – десять километров. Норматив – два часа. Зачёт – по последнему. У вас – стандартный комплект снаряжения имперского десантника, каковым, может быть, сподобится стать один из всех вас – в лучшем случае. Имеется: винтовка штурмовая модели 98-kurtz или «манлихер эр-пять» с подствольным гранатомётом калибра пятьдесят пять, пятью снаряжёнными магазинами и двумястами патронами в пачках. Десять гранат, нож десантный универсальный, топорик, лопатка сапёрная малая, кошка пятилапчатая с тросиком, медпакет, устройство переговорное, прицел нашлемный комбинированный всепогодный, индивидуальные средства защиты – встроенная в шлем дыхательная маска и бронекомбинезон. Используя всё это, а также любые подручные средства на ваше усмотрение, отделения должны преодолеть полосу. Отделение, пришедшее первым, получает лишний день отдыха и сможет немедленно отправиться к девочкам – разумеется, если уложится в норматив. Отделение, пришедшее последним, моет сортиры неделю и платит пять процентов месячной зарплаты тем, кто придёт первыми.

Кто-то сделал попытку горестно застонать – по-моему, рекрут Раздвакряк, или попросту Кряк, как уже все стали называть его, – но под грозным взглядом штабс-вахмистра тотчас осёкся.

– Как, без сомнения, должно быть понятно даже таким орангутангам, как вы, патроны выданы боевые. То же относится и к гранатам. Если постреляете друг друга – так вам, иди-

отам, и надо. Империя сэкономит немало денег, выдав однократную компенсацию вашим скорбящим, так их так через коромысло, родственникам – вместо того, чтобы оплачивать ваши жалкие попытки остаться в живых на имперской службе и далее. Ну и, понятное дело, вам встретятся препятствия, – господин штабс-вахмистр кровожадно подкрутил ус, – которые тоже будут использовать настоящие боеприпасы. Никаких шумовых эффектов. Взрыв-пакеты – это для бойскаутов. Вам, соответственно, разрешается палить и взрывать всё, что только сможете. Дозволены все приёмы. Главное – пройти дистанцию. Это как на войне, дорогие мои шимпанзята. Всё ясно? По дистанция-ам... разберись!

Наше пятое отделение получило крайнюю «дорожку».

Пять «трасс» были разделены массивными обдернованными валами с колючей проволокой наверху.

– Заходить на дистанцию соседа запрещается. Карается снятием со всеми вытекающими. Поворачивать назад запрещается. В случае ранений – действовать по обстановке, курсы оказания первой помощи вы прослушали, медпакеты есть. Опять же, бабуины, на войне санитары успевают далеко не всегда. И не всегда есть возможность вынести раненых из боя в безопасное место. И у вас под началом могут оказаться совершенно необученные ополченцы. Так что учиться надо сразу. Всё ясно? По местам... внимание... марш!

И мы рванули. Каждое отделение, одиннадцать человек, по своему «коридору». «Дистанции» плавно расходились. Пока бежать было легко, но впереди – расстояние в десять километров, а день обещает быть жарким. Надрываться с самого начала нет смысла. Выигрывает тот, кто сохранит больше сил к финишу, а не кто уйдёт в отрыв на старте. Это всё-таки не марафон.

Раздвакряк, по закону подлости, разумеется, оказавшийся в одном отделении со мной, тотчас рванул прямо с места, пыля и загребая ботинками. Вслед за ним припустили остальные – узкоглазый Хань, темнокожие смуглые Сурендра и Джонамани, не то чех, не то поляк, которого почему-то звали Денеб Фомальгаут Глинка, меланхолический финн Микка Варьялайнен, румын Кеос Ташеску, турок Фатих, иранский армянин Назариан и классический африканский негр, которого с первого дня называли просто Мумбой.

Вся эта публика мигом оставила меня позади. Идиоты. Марш-бросок их, как видно, ничему не научил. Под грузом гораздо легче быстро идти, чем медленно бежать! Пришлось заорать, напоминая всем, и особенно Раздвакряку.

Послушались. Примерились ко мне, зашагали чуть ли не в ногу. Назариан постоянно косился на часы, поставленные на обратный отсчёт метров и минут: 9700 метров ... 1 час 57 мин...

Первое препятствие нам встретилось спустя полкилометра после старта. Мы начали неплохо, шли ходко, добрых сто пятьдесят метров в минуту, создавая запас. Все пока что тянули, даже Раздвакряк.

Ограждавшие «дистанцию» валы вдруг разошлись в стороны.

Посреди круглого открытого пространства торчал холм, явно искусственный – с той самой пулемётной точкой, которую я заметил ещё со старта. Мы вылетели за поворот всей гурьбой, и я едва успел заорать: падайте! – как впереди загремело, затрещало, в чёрном провале амбразуры заплесало пламя и воздух прямо у нас над головами прошла длинная трассирующая очередь. Трассирующей она была, наверное, для наглядности. Чтобы все поняли, что с ними тут никто не шутит. Впрочем, я в этом и так не сомневался.

Все так и повалились носами в пыльную траву. Пулемёт вновь загрохотал, прочертил дорогу перед нами линией серых фонтанчиков, чётко обозначая границу, переступать которую не рекомендовалось.

Мумба же то ли не сообразил, то ли слишком вошёл в раж. Он рванулся вперёд с рыком, достойным короля джунглей. Винтовка у него в руках заплесала, задёргалась – он палил

куда-то в область амбразуры, но, само собой, даже если б и попал, ни к чему это бы не привело: за пулемётом наверняка робот, которому наши пули что слону дробина.

Ответная очередь должна была бы перерезать незадачливого Мумбу пополам. Я в последний момент успел повалить его, да ещё и заработал пинок по голове здоровенным мумбовским ботинком сорок шестого размера.

– Лежи, болван! – зарычал я на него. – Лежи и не мешай, урод!

Он, конечно, обидится, но тут уже ничего не поделаешь.

Лёжа на боку, я лихорадочно перезаряжал гранатомёт. Время, время, время! Тут не до правильной осады.

...Гранату я выпустил почти не целясь. Прямо перед амбразурой вспухло грибовидное облако иссиня-чёрного дыма, настолько густого, что, как говорится, хоть топор вешай. Десантные дымовые гранаты – отличная вещь. Намертво блокируют оптические, инфракрасные и радарные системы наведения. Продержится это облако недолго, но надо успеть...

– Вперёд! – заорал я. – Подбирайтесь вплотную! В мёртвую зону! Там не достанет! Кряк, Микки, Хань, Сурендра! Влево! Остальные – вправо до предела! Уйти с биссектрисы! – Я имел в виду, само собой, биссектрису угла сектора обстрела.

Пулемёт загрохотал снова, бессистемно мотая стволом то вправо, то влево, струя трассеров лупила по дороге, изгибаясь подобно хлысту. Интересно, сколько ж на самом деле нас тут может остаться?..

Но остальной взвод, хвала богородице, защитнице нашей, не подвёл. Бросились в стороны, словно мыши от кота. Я улучил момент, когда струя пуль миновала меня, и рванулся вперёд.

Рядом со мной оказался Джонамани, пустил ещё одну дымовую гранату. Это было уже лишним, боеприпасы следовало экономить – никто не знал, что ждало нас впереди.

Перебежали, плюхнулись носами в пыль. Что-то свистящее прошло над головами – словно коса над травой. Миг спустя мы ворвались в облако. Я прижал к лицу газовую маску, пихнул Джонамани в бок, потому что он явно собирался бежать дальше как был. Вдвоём мы оказались рядом с амбразурой, и я разрядил подствольник прямо в чёрный проём. Джонамани, правда, вознамерился выпалить тоже, но я видел, что его граната должна угодить в бетонную стенку жёлоба, и едва успел отшибить его «манлихер» в сторону. Взрыв раздался где-то внизу. Иначе нас обоих самое меньшее оглушило бы и посеколо осколками – граната, не надо забывать, была боевой.

Пулемёт захлебнулся. Из амбразуры повалил густой чёрный дым, явно от шашки.

Я кое-как собрал отделение. Перепуганы все оказались преизрядно. Гоголем ходил только Джонамани, немедленно забывший, как он едва не угодил нас обоих.

– Отлично, ребята, – тяжело дыша, сказал я. – Так бы и дальше идти...

– Они что, совсем там сбесились? – тонко взвизгнул Фатих. – Перебить нас решили, да?! Пусть кто хочет дальше прорывается! А с меня довольно! Прочь отсюда, рву контракт к чертям! Не хватало мне только от своей же пули сдохнуть!

– Не дури! – оборвал его я. – Никуда ты отсюда не денешься. Зачёт «по последнему», забыл? Вот выберемся – и вали на все четыре стороны. А пока отделением идём – и думать не моги. Верно я говорю, ребята?

Остальные после мгновенного колебания поддержали меня дружным ворчанием. Отнюдь не обрадовавшим Фатиха.

Другой на его месте бы поутих. Но парень оказался слишком горячим. И не нашёл ничего лучшего, как направить мне в пузо ствол. Глаза у него стали совершенно бешеные, лицо побелело.

Джонамани и Сурендра разом повисли у него на плечах, а Кеос пнул ногою винтовку. Пуля ушла в небо. Фатих растянулся на земле и вдруг бурно зарыдал.

– Хорош, вставай давай, – как ни в чём не бывало сказал я. – Нам нельзя время терять. И так тут лишних пять минут проторчали.

Индусы кое-как подняли Фатиха. Тот, словно ребёнок, размазывал по грязным щекам злые слёзы.

Винтовку у него от греха подальше я забрал.

Побежали. Наша «дистанция» сделала очередной поворот, и началась работа. Лабиринт противотанковых «ежей», колючая проволока, разлитая по земле горящая нефть. Отделение примерилось было рассыпаться, явно намереваясь продираться в одиночку.

Пришлось снова заорать «стойте!».

Опутанные колючкой «ежи» стояли слишком близко друг к другу, чтобы пробираться между ними. На это ушло бы слишком много времени. Гораздо проще было перебросить что-то через и, помогая друг другу, одолеть преграду поверху.

Разумеется, никаких досок тут не имелось. В ход пошли какие-то куски фанеры, отыскавшиеся на краю дистанции. Парами, держась за руки, отделение стало проходить лабиринт.

Мне пришлось идти вместе с Фатихом. Парень успел успокоиться, но смотрел на меня по-прежнему злобно.

– Не дури, – сказал я ему. – Пройдём полосу – милости прошу. Хочешь, будем драться. Но потом, потом, ладно?! На меня ты злостью сколько угодно, только ребят не подставляй. Они-то тут совершенно ни при чём, верно?

Турок угрюмо кивнул.

Так и пошло дальше. После лабиринта нам попался скелет полуразрушенного дома, где бушевал огонь. Горела здесь уже не нефть, а самый настоящий напалм.

И вновь – ключ к успеху крылся в том, чтобы проходить препятствие не поодиночке, а всем вместе, командой. Забросить наверх самого лёгкого, и чтобы он потом помог взбираться остальным. Невелика хитрость, а если в отделении каждый сам за себя, то норматива вовек не выполнишь.

...Пулемёт подстерегал нас, когда оставалось пройти по узкой перекорёженной железной балке. Под ней, на расстоянии четырёх метров, весело и жарко плясало чёрно-рыжее пламя.

– Напалм пополам с автопокрышками, – меланхолично заметил Сурендра. Он вообще отличался хладнокровием. – Не слишком приятно падать будет.

Грохот очереди. Летят острые бетонные осколки. Отделение скорчилось за полуразрушенной стеной высотой не более полуметра – всё, что прикрывало нас от по-настоящему губительного огня. Я заметил, что первую очередь здесь всё-таки давали поверх голов и только потом начинали бить на поражение.

«Кто не спрятался, я не виноват».

Пулемётное гнездо было расположено почти идеально – за грудками битого кирпича и скрученных неведомой силой в штопоры двутавр. Единственная дорога к выходу из лабиринта – аккуратно посреди сектора обстрела, и, чтобы отправить всё наше отделение на вечную переподготовку, потребуется всего лишь одна хорошо нацеленная очередь.

Мумба выпалил из гранатомёта – без всякого видимого результата. Если, конечно, не считать того, что пулемёт словно оглашенный поливал нас свинцом добрых пять минут.

Дымовые гранаты тут бы не помогли – по балке проползти можно, да что толку, если она вся в отметинах от пуль и всё новые и новые то и дело высекают искры на её стальных боках?

Нет и обходной дороги – снизу огонь, сверху небо, по бокам пустота. И лишь узкая полоса железной балки – вперёд, к свободе. Мир за пределами «дистанции» казался нам сейчас чуть ли не райским садом.

И тут меня осенило. Десять слабых ударов не равны одному сильному. Не бог весть какая мудрость, но иногда решения следует искать среди самого простого и самоочевидного.

– Ребята, надо всем вместе, – сказал я. – Во-он под тот угол. Если все как следует попадём...

Возражать никто не стал.

Мы потратили добрых шесть минут, чтобы установить всё как следует, выверяя линии прицеливания по лазерному лучу нашлемного прицела, благо хорошо видимому. Да ещё и пряча поминутно голову, потому что недостатка в патронах пулемёт явно не испытывал.

– По счёту «три», – скомандовал я. – Все вместе. Раз... два... три!

Все подствольники глухо ахнули разом. Десять гранат ударило в основание кирпичной стены, очень удачно нависавшей как раз над пулемётным гнездом. Взрыв раздался в выемке, и стена, разваливаясь в падении, рухнула, похоронив под обломками камня и пулемёт, и груды скрывавшего его искорёженного металла.

Отделение дружно завопило «хох-хох-хох-хайль!». Громче всех орал негр Мумба.

Перебраться после этого по балке было парой пустяков. Я боялся, что у господина старшего вахмистра хватит ума заминировать её – для пушного веселья.

...Потом были и самые обычные препятствия, которые как раз быстрее было штурмовать поодиночке. Правда, тут уже пришлось кое-кому помогать – разумеется, тому же Раздвакряку или Фатиху; горор у парня был, а силёнок пока не хватало. Лучше других держался здоровенный Мумба, который, кстати, первым спросил у меня, когда Кряк стал просто валиться с ног:

– Что будем делать, командир?

Командир. Слово сказано.

...Солонее всего пришлось в болоте. Доселе я надеялся, что патроны нам даны просто так, в нагрузку. Для пушного реализма и «обстановки, максимально приближённой к боевой». Оказалось, надеялся я напрасно. Болота кишмя кишели всеми мыслимыми видами хищно-зубастой фауны. Как заявил простодушный Мумба, перед нами наверняка были виды с *vagina dentata*. Правда, высказал он это в совершенно иных выражениях, на бумаге принципиально невоспроизводимых.

Узкая тропинка – точнее, наполовину тропа, наполовину мостки из чёрных прогнивших досок, старых автопокрышек, связанных «венком», время от времени – ограждённые ржавой колючей проволокой мостики над подозрительно тихой чёрной водой.

Я взглянул на часы. Нам оставалось чуть больше трёх километров, а время истекало. Тридцать две минуты до контрольного срока.

– Связаться, – скомандовал я. – Если кто-то сорвётся, удержим. – Странно, что эта простейшая мысль не пришла в голову никому другому. Хотя, если учесть, что шестеро в отделении родились в громадных мегаполисах и отродясь не ходили ни в горы, ни в...

Мои размышления прервал громкий всплеск, и тотчас же тишина взорвалась громом выстрелов. «Манлихер» – оружие мощное, но при этом донельзя, увы, громкое.

Отделение дружно палило в зубастую пасть размером с хороший чемодан, вынырнувшую из ближайшей лужи. На мгновение мне показалось, что это всего-навсего безобидный аниматроник, но уж больно натурально летели из него ошметки мяса и веера кровавых брызг.

Захлопнув с громким стуком пасть, тварь скрылась в чёрной глубине. Парни палили от души, вода забурлила от пуль, но, само собой, без всякого видимого эффекта.

– Й-я-а т-туда н-не пойду, – щёлкая зубами, заявил Раздвакряк. – Д-делайте со мной что х-хотите, н-не пойду, и всё т-тут.

– Кряк, не дури, – зашипел Джонамани. После нашей с ним эскапады он сильно приободрился и, похоже, возомнил, что сумеет пройти полосу, как говорится, «на голове и на глазах».

– Всех подставишь! – гаркнул Кеос.

– Не на плечах же тебя тащить! – закипел и обычно невозмутимый Микки.

– На плечах нам его тащить всё равно придётся, – сказал я. – Так какая разница, с какого места? Километром раньше, километром позже...

Тут я, конечно же, кривил душой. Чем дольше Кряк продержится на своих двоих, тем больше у отделения шансов уложиться в норматив. Но выхода, похоже, у меня не оставалось. Раздвакряк, что называется, поплыл. Слова на него бы сейчас не подействовали.

Ударил я, как говорится, «аккуратно, но сильно». По той указанной господином старшим вахмистром точке, которая надёжно отключает человека на добрый час, а то и больше. Кряк всхрипнул и обмяк.

– Так будет лучше, – сказал я обмершему отделению. – Без гнева и страсти. Пусть полежит. Я его потащу.

– Нет, командир, – рявкнул Мумба. – Мы носилки срубим.

– Точно! – поддержал негра Кеос. И, подавая пример, размахнулся топориком.

...Не прошло и минуты, как отделение двинулось дальше. У нас оставалось порядка тысячи семисот тридцати секунд.

Неприятности начались, едва мы одолели первый поворот «тропы». Едва выступая над тёмной гладью, среди пышных зарослей тянулась цепочка здоровенных тракторных шин. Первая двойка – Кеос и Микки – едва успела пробежать метров десять, как вода вокруг неё вскипела от десятков ползших на тропу гибких змеиных тел, примерно в руку длиной и в руку же толщиной. Самые шустрые успели вцепиться в ботинки и штанины ребят.

– А-а-а! – завопил Кеос, отчаянно паля себе под ноги.

Отделение поддержало его ураганным огнём, отсекая тварей от тропы. Чёрная жижа мгновенно заполнилась беспомощно всплывшими кверху брюхом телами; другие трупы быстро тонули, разорванные тяжёлыми пулями почти пополам.

Подскакивая и вопя, Микки с Кеосом выскочили на крошечный островок. Змеюки, понеся тяжкие потери, похоже, поняли, что надо ретироваться. Несколько самых жадных устремились было к нам, но тотчас же обратились в кровавое месиво. «Манлихеры» не подвели.

Прикрывая друг друга огнём, отделение группками двинулось в глубь болота. За змеями последовали какие-то шерстистые аллигаторы, потом живые хищные лианы, потом...

В сущности, ничего интересного в этом не было. Мы сбились в тесный круг, ошетиливаясь стволами, и палили во всё, что двигалось. Правда, очень скоро нам пришлось экономить патроны.

За болотами начался асфальт. И танки. Старые списанные «гросстракторы». И странные корявые машины, кое-как слепленные из грубо сваренных вместе броневых листов, в которых я после некоторого напряжения памяти опознал самоделки утрехтских и уппсальских повстанцев. Надо же, целы...

Нам ничего не оставалось делать, как занять круговую оборону в очень кстати подвернувшихся развалинах какого-то домишки.

«Гросстракторы» открыли огонь издали, и стреляли они отнюдь не болванками, как можно было бы ожидать, а самыми настоящими боевыми стопятимиллиметровыми дурами.

Отделение взвыло. Такой подлости от господина вахмистра не ожидал даже я. Семь танков – три «гросса» и четыре повстанческих. «Гросстракторы» медлительны и неповоротливы, однако при нужде проедут сквозь прикрывающие нас стены, даже не развернув башни. Бронебойные штуки.

Недаром их так долго сохраняли на вооружении...

Микки выпалил из подствольника – попал «гроссу» в лоб, но, само собой, танк полз себе дальше как ни в чём не бывало.

Семь. Многовато.

У меня в животе стало как-то совсем гнусно. Фатих тихонько скулил, почти неслышно в рёве наползающих железных черепах.

Наши гранатомёты слишком слабы, чтобы повредить танки. А единственное уязвимое место – гусеницы – надёжно укрыты бронированными фальшбортами.

...Снаряд взорвался совсем рядом с нашим укывищем. Заложило уши, я на время попросту оглох. Семь танков ползло на нас со всех сторон, и я почему-то не сомневался, что они раскатают нас в тонкий блин без всяких угрызений совести. Как там говорится? Несчастный случай в обстановке повышенного личного риска...

– Командир! Что делать-то, командир? – завопил Мумба.

А что тут сделаешь. Нет у нас ни серьёзных противотанковых гранатомётов, ни мин, ни даже боевого газа. Газа?.. Газа!

– Все, у кого ещё остались дымовые гранаты, сюда! – гаркнул я.

Гранат насчиталось восемь.

Лёжа мордами вниз среди груд битого опалённого кирпича, мы считали секунды и вслушивались в вязкий рёв перегретых моторов. И когда танки подошли почти вплотную, я скомандовал:

– Разом!

Между двумя «гроссами» вспухло облако дыма. В которое мы все и ринулись, уповая на то, что пулемётчики всё-таки не среагируют достаточно быстро.

И верно. Не среагировали. Когда я вырвался из облака, передо мной маячила здоровенная корма одного из «гросстракторов». Он всё ещё тупо пёр вперёд.

Эх, жаль, нет склянки с зажигательной смесью, незабвенным «коктейлем Молотова», закинуть вражине на моторные решётки.

Если бы танки сопровождала пехота – мы были б уже трупами. А так ничего, прорвались...

Мы опрометью бросились наутёк – к следующему зданию. И уже окружить себя не давали...

...Последний километр дистанции не содержал никаких сюрпризов. Но нам надо было пробежать его очень, очень быстро, потому что до двух часов контрольного норматива оставалось всего шесть минут. Вроде как и немало – но не после такого марш-броска, не после такой, с позволения сказать, «тренировки»...

Тяжело дыша, пропотевшие, покрытые грязью и копотью, мы перевалились через финишную черту. Нас встречали лейтенант, господин штабс-вахмистр – и три команды медиков.

Красные кресты сразу же решительно двинулись к валявшемуся на носилках Раздвакряку.

Я бросил последний взгляд на часы. Мы пришли вовремя. За сорок пять секунд до норматива. И, похоже, пришли первыми. Кроме нас, других рекрутов и близко видно не было.

– Поздравляю, отделение, – холодно сказал лейтенант. – Поздравляю, господа рекруты. Хотя ваше время далеко до рекорда нашей учебной роты, вы пришли первыми. И уложились в норматив. Поздравляю.

Я бросил выразительный взгляд на остальных и дважды кивнул головой. На третий кивок отделение в полную силу десяти глоток заорало уставное «Рады стараться!».

Раздвакряк открыл мутные глаза.

– Всё хорошо, Кряк, – нагнулся над ним Кеос. – Мы пришли первыми. И уложились во время.

– А... что... меня тогда стукнуло? – слабым голосом спросил Кряк.

– Я неудачно прыгнул, – сказал я. – Извини, Кряк. Так неловко получилось...

– Р-разговорчики! – прикрикнул господин штабс-вахмистр. – Отделение получит свой отпуск. А ты, рекрут, – палец герра Клауса-Мари Пферц... указал на меня, – ты, рекрут...

– Он уже не рекрут, вахмистр, – прежним холодным голосом сказал лейтенант. – Он производится в ефрейторы. И будет командовать этим отделением – посмотрим, как ты себя покажешь, Фатеев.

Так я стал командиром. Расстался с серебряной полоской обер-десантника. Взамен неё получил на рукав камуфляжной куртки, аккуратно под скалящимся черепом, треугольную нашивку ефрейтора.

Ребята принялись хлопать меня по плечу, поздравлять, все, и даже Фатих. Лёд оказался сломан. «Командирский подлиза» привёл их к финишу первыми и, что более существенно, целыми.

– Весьма хорошо, ефрейтор, – подошёл ко мне и лейтенант. Протянул руку. – Весьма хорошо.

Я пожал его ладонь – крепкую, бугристую, ладонь отнюдь не барина-белоручки. Пожал руку врага. Имперца, одного из тех, кто отнял независимость у моей родины. Я пожал ему руку.

* * *

Муштра продолжалась. Настал черёд освоения десантной техники. Нас учили стрелять из всего, что имеет ствол, или направляющие, или хотя бы их подобие, и водить всё, что имеет колёса, гусеницы или хотя бы нечто, могущее быть к ним приравненное. Герр Клаус-Мария зверствовал в меру положенного господину старшему мастеру-наставнику, так что свои сакраментальные драения отхожих мест зубными щётками мы получили.

Прошло уже четыре месяца, как я носил чёрную форму «Мёртвой головы». Притерпелся и привык. Рекрутские ряды поредели – двое полегли на памятной всем «дистанции», один попался на воровстве у офицера и загремел на Сваарг, каторжную планету, ещё двоих отчислили «за полной неспособностью». Перевели во вспомогательные тыловые строительные части. Муштры там, по слухам, такой не было, зато вкалывать заставляли с утра до вечера, и притом за очень маленькие деньги.

Я командовал отделением. В принципе, на это место не могли назначить никого в ранге ниже фельдфебеля, но у нас рота была учебной, и это многое объясняло. В «боевых», кадровых ротах практически все солдаты были по крайней мере ефрейторами.

Настала пора ночных тревог с боевыми стрельбами. Пора «обкатывания» танками. И бесконечных упражнений в лабиринтах полуразрушенных бетонных коробок, имитировавших городские здания. Напалма при этом, как говорится, не жалели. Нашими противниками выступали аниматроники, вооружённые, правда, до зубов. Они палили, однако, из оружия куда более слабого, чем наше, не имели ни разрывных пуль, ни пуль со смещённым центром тяжести, и тем не менее раненых хватало, несмотря на добротные кевларовые бронежилеты, точнее, не жилеты даже, а самые настоящие комбинезоны; при этом один рекрут из другого взвода и вовсе погиб, получив прямое попадание в лицо.

Конечно, для настоящего боя в городе, когда противник отчаянно дерётся за каждый дом и палит наступающим в спину из-за каждого угла и из каждого канализационного люка, такие потери были бы полной чепухой. Их просто не могло бы быть. Половина роты полегла бы в первый же день. Мы ещё слишком мало умели.

Нельзя сказать, что наше отделение всегда и везде держало первенство, но, во всяком случае, первые места мы получали чаще других во взводе.

Жизнь становилась рутинной. Мы привыкали к свисту настоящих пуль над головой. Человек способен привыкнуть ко всему. Даже к службе врагам своей собственной родины.

* * *

– Рекрут Раздвакряк!

– Я, господин штабс-вахмистр!

– А скажи-ка нам, рекрут Раздвакряк, в чём состоит нравственное преимущество подданных Империи перед жителями так называемых независимых миров?

– Э-э-э... нравственное... э-э-э... преимущество подданных Империи перед жителями так называемых независимых миров...

– Я помню, в каких выражениях я задал вопрос, рекрут Раздвакряк. Отвечай по существу. Или, если не можешь, селезень тупоумный, скажи об этом прямо, получи два наряда и не отнимай моего времени. Итак?..

– Ы-ы-ы... Нравственное преимущество в том, что жители Империи... э-э-э... едины. Они... э-э-э... имеют доступ... имеют... э-э-э... ко всем богатствам, созданным человеческой цивилизацией... ощущают... себя единым целым...

– Следовательно, нравственное преимущество подданных Империи заключается только в единстве?

– Никак нет, э-э-э... господин штабс-вахмистр... но также... э-э-э... в... высоком духе...

– Сядь, Раздвакряк. Селезень ты, селезень и есть. Ефрейтор Фатеев! Твоя очередь отдуваться. Раз подчинённые ни уха ни рыла.

– Слушаюсь. Разрешите отвечать, господин штабс-вахмистр?

– Отвечай, ефрейтор. И мой тебе совет – отвечай не как рекрут Раздвакряк.

– Слушаюсь. Нравственное преимущество граждан Империи заключается, во-первых, в единстве человеческой расы, во-вторых, в наличии нравственного стержня, каковым выступает верность правящему Императорскому Дому, в-третьих, в едином культурном, экономическом и идеологическом пространстве, в-четвёртых, в чувстве безопасности, и, наконец, в-пятых, в чувстве гордости за могучую державу, внушающую страх даже Чужим.

– Весьма хорошо, ефрейтор. Весьма хорошо. Учил. Сразу видно. Однако почему ж с подчинённых не спрашиваешь? На первый раз прощаю – но если Раздвакряк и дальше плавать будет, сам у меня нужники драить будешь. Всё ясно, ефрейтор?

– Так точно, господин...

– Отставить. Не будем терять времени. Рекрут Мумба! В чём заключается преимущество имперской формы правления по сравнению с так называемой демократией, трактуемой, согласно последним методичкам Главного Политуправления, как охлократия? Заодно можешь сообщить мне определение охлократии.

* * *

– Господа рекруты, – сказал лейтенант. Он всегда обращался к нам только так – господа рекруты, никаких экзотических представителей африканской фауны, излюбленных фигур речи господина старшего мастера-наставника Клауса-Марии Пферцегентакля. – Сегодня я должен объяснять вам основные задачи Имперских вооружённых сил. Впрочем, полагаю, что если вы добровольно вступили в их ряды, то должны сами представлять себе эти задачи. Я же сегодня поговорю совсем о другом. Но сперва посмотрите вот этот ролик.

Он щёлкнул переключателем, закрывая жалюзи на окнах класса. Осветился большой экран.

– Смотрите внимательно, господа рекруты, – проговорил лейтенант, отступая к стене. – Потом мы обсудим увиденное.

На экране появилось изображение. Какая-то явно чужая планета. Правда, земного типа. Перед нами расстились сплошные болота. Чёрная вода, почти сплошь покрытая зелёным ковром кувшинок с крупными мясистыми венчиками всех цветов радуги, включая иссиня-чёрный. Встречались и довольно крупные плавающие островки, образованные, наверное, сплетениями корней, где поднимались короткие и толстые стволы уродливых пальм. Порхали какие-то крылатые ящерицы, из воды то и дело высовывались зубастые пасти хищников, преследующих добычу. По островкам метались мелкие зверьки, чем-то напоминавшие земных утконосов.

Ничего интересного. Хотя, конечно, нет, интересно. Кислородная тёплая планета – нам бы лишняя колония не помешала. Особенно тем, кто вынужден замерзать среди льдов.

– Смотрите внимательно, – напомнил лейтенант, хотя никто и так не отрывал глаз от экрана.

Небо тут тоже было зеленоватым, словно рассветная полоса.

На фоне зелёного неба над дальними вершинами того, что я бы назвал «лесом», стали возникать тёмные точки. Много. Они разлетались в разные стороны, пока не осталось двена-

дцать штук, которые понеслись прямо на объектив. Это оказались странного вида летательные аппараты, размером примерно с наш Schuetzenpanzerwagen. Под днищами полыхали пакеты дюз, в стороны растопырились короткие крылья. Один из таких «транспортов» завис прямо над чёрной водой, и из него по выдвинувшемуся пандусу горохом посыпались вниз какие-то существа, больше всего напоминавшие сухопутных спрутов. Каждое из созданий заковано было в подобие металлически поблёскивающего корсета.

Оказавшись в воде, спрутики очень резво поплыли, раздвигая зелёный покров. Хищных тварей они, похоже, совершенно не опасались.

Камера развернулась следом за спрутовым десантом. Теперь стал виден крупный остров, где возвышались уже настоящие деревья, не примученная топиями мелочь.

Там, среди тёмных зарослей, что-то вдруг блеснуло, раздался гулкий треск. Прямо посреди болота, среди плывущего десанта взметнулся вверх столб воды, пены и перемолотых в мелкую кашу листьев. Вместе с водой вверх швырнуло и одного спрута. Щупальца, словно верёвки, бессильно колотили воздух.

Остальной десант мигом ответил. Головы спрутов ушли под воду, над поверхностью поднялись щупальца, сжимавшие нечто вроде небольших Faustpatrone. Миг – и утолщения сорвались с «направляющих», то, что можно было бы назвать «ракетами», полетело вперёд, правда, не оставляя за собой никакого следа.

Миг спустя там, где только что высились деревья, забушевал огонь. Он взметнулся до самых небес. Правда, это длилось только миг – пламя угасло само собой. Даже ветки не загорелись. Но теперь оттуда не прогремело ни единого выстрела. Спруты деловито скрылись в зарослях. Запись остановилась и возобновилась, когда десант Чужих двинулся обратно, гоня пленных – каких-то покрытых шерстью существ, отдалённо напоминавших горилл. Насколько я смог понять, потерь осьминоги не понесли. Погибший от первого и последнего выстрела оборонявшихся десантник оказался единственным.

– Вот так воюют наши дальние соседи, – сказал лейтенант. – Мы называем их октопусами, акустическое самоназвание дбигу.

Дбигу... о них я только слышал. Другие рекруты, похоже, тоже.

– Один залп из лёгкого индивидуального оружия. Почти никаких разрушений. И никакого сопротивления. Вот с каким врагом нам предстоит столкнуться, господа рекруты. Дбигу – только пример. Крылатые, земноводные, иные... у вас будет спецкурс. Они обогнали нас на века. У человеческой расы есть только одна надежда – что мы, десант, и другие, мужчины и женщины, носящие Feldgrau, окажемся не по зубам этому чудо-оружию. Не броня, не сталь и не огонь – мы, одетые в камуфляж, носящие на рукавах эмблемы славных дивизий, сможем противостоять Чужим, вне зависимости от того, что они пустят в ход. Народ Империи верит в нас, и мы не имеем права обмануть его доверие.

...Мне особенно понравился пассаж об «эмблемах славных дивизий»...

* * *

Мы любим приписывать Чужим невероятное, невероятное могущество. Чудесное оружие, непредставимая техника, материалы, всё такое прочее. Но это не так. Совсем не так. Космос состоит из одних и тех же элементов: что наша галактика, что Туманность Андромеды. И нарушить существующие законы Бытия не можем ни мы, ни Чужие. В этом, собственно говоря, и состоит наша надежда.

Что мы знаем о Чужих? Что их много, есть те, кто намного обогнал нас, а есть те, кто отстаёт на тысячелетия, по сию пору пребывая в счастливом неведении каменного века. Однако те, кто обогнал нас, на наше счастье, заняты какими-то своими малопонятными делами, не обращая на нас особого внимания. Есть несколько цивилизаций, чей уровень кос-

мической техники примерно равен нашему, но зато они существенно обгоняют нас во всём остальном. Их развитие шло планомерно, в отличие от нашего судорожного рывка, выведшего нас в Пространство задолго до того, как Человек Разумный оказался способен воспринимать совершенно новую картину мира.

Мы слишком поторопились. Подпространство открыли, когда остальные отрасли знания и близко не подошли к «галактическому порогу». Опять же в отличие от Чужих, развивавшихся, как сейчас принято говорить, «гармонично».

Да, в том-то и дело – мы вышли в глубокий космос, но это случилось слишком рано. Термояд – вот всё, что у нас было и есть. Никаких лазеров-бластеров, боевых роботов и прочей мишуры. Громадные корабли, умеющие раздирать пространство, тратя колоссальные количества энергии, – не больше. Остальное – генетика, медицина, соционика – уже мелочи. Микросхемы – слишком большие, компьютеры – слишком медленные, искусственный интеллект так и остался выдумкой футурологов, и даже в эпоху «покорения Галактики» наше оружие было в принципе таким же, как и при Иване Грозном, «за жестокость прозванном Васильевичем». Старый добрый порох, старые добрые пули. Снаряды, ракеты, самонаводящиеся и нет, танки, вертолёты. И, само собой, солдаты.

* * *

Выдержка из учебника политической истории:

В настоящее время Земная Империя представляет собой унитарное государственное образование. К сегодняшнему моменту в исключительном владении Империи находятся следующие звёздные системы (вставка со звёздной картой): Сириус (А и В), Ригил Кентаурус, Процион, Вега, Капелла, Арктур, Регулус, Поллукс, Сигма Драконис (...), образуя как бы неправильную сферу диаметром примерно в сто световых лет...

* * *

В то воскресенье я снова пошёл в город. Правда, лишь после того, как закончилась тренировка со штабс-вахмистром. Клаус-Мария Пфферц... похоже, начал-таки отличать меня среди остальных рекрутов. Во всяком случае, язвительные его шуточки почти прекратились – он деловито объяснял мне приём, показывал несколько раз, а затем заставлял повторять до тех пор, пока мне не удавалось его удовлетворить. То есть грамотно поставить блок от его удара или пробить его защиту. Ничего не скажешь, учил он на совесть.

Получив увольнительный билет, я медленно брёл по «Невскому», как прозвал для себя главную улочку военного городка, окружавшего базу. Ничего особенного тут, само собой, не было. Стандартные сборные двух- и трёхэтажные домики, с не слишком умелыми попытками разработчиков придать фасадам хоть какую-то индивидуальность. Первые этажи все светились яркими огнями всевозможных кабачков и баров – именуемых в народе «последним рубежом». По улицам чинно, неторопливо шествовали господа офицеры с супругами – наверно, собирались в клуб.

База и городок были явно велики для одной-единственной учебной роты из пяти взводов. Кроме нас, тут стояли также штаб, рота тяжёлого оружия, связисты, сапёры, медики и так далее – всего около четырёхсот солдат, включая рекрутов, да три десятка офицеров. Другое дело, что сюда, на базу, часто возвращали остальные части батальона, вроде как на отдых. Сейчас у нас как раз стояла вся третья рота – настоящая рота, боевая. Собравшаяся вместе для каких-то упражнений и сдачи неизвестных до сих пор мне нормативов.

Девочки-феечки на улице не показывались. Их дело – сидеть в барах, не оскорбляя своим видом взоров почтенных офицерш, примерных жен и ответственных матерей.

У меня сейчас, собственно говоря, было только одно дело – найти себе «партнёршу», у которой можно спокойно посидеть остаток вечера. В сумке у меня лежала «Прохоровка» Гюнтера Гланца – с официальным штампом батальонной библиотеки, одобренная и разрешённая к чтению. Господам рекрутам полезно узнать о героических битвах предшественников Третьей десантной в то не такое уж и давнее время, когда она ещё называлась «Третьей танковой дивизией СС “Мёртвая голова”» и если и не смогла одержать под русской деревней Прохоровкой полной и блестящей победы, то лишь по причине начавшейся высадки англо-американских союзников в Сицилии...

...Гилви мне искать пришлось недолго. Девчонка сидела в том же самом баре, где я встретил её прошлый раз. У наших рекрутов большим успехом пользовались отчего-то дамочки попышнее, и потому число шлюх «приятной полноты» всякий раз оказывалось непропорционально большим.

Гилви явно скучала. Сидела на высоком табурете, закинув ногу на ногу – так, чтобы продемонстрировать торчавшие из-под короткой юбки подвязки, – и покачивала чёрной лакированной туфелькой на невозможно высоком каблуке. Перед ней стоял запотевший бокал со шнапсом, но не похоже, чтобы она к нему притрагивалась.

– Гилви, привет.

Она повернулась, заулыбалась, откидывая со лба и глаз длинную белёсую чёлку.

– О, Рус, здравствуй. Ба! Что я вижу? На повышение пошёл? Ефрейтора заимел? Поздравляю, поздравляю, молодец! Ну, такое дело надо отметить. А вот что-то тут сегодня так тихо, не знаешь?

Я оглядел бар – и в самом деле полупустой. Простой раз тут, как говорится, яблоку некуда было упасть.

– Болтают, будто первый, второй и пятый взводы на ночные занятия бросили, – сказал я, усаживаясь рядом. – Что-то срочное.

– А вы как же?

– А мы, пятый взвод, – пока ничего, бог миловал. Выпьешь чего-нибудь?

– Выпить? Выпить – это мы всегда пожалуйста, – Гилви обвела стойку рассеянным взглядом. Бармен возле пирамиды пузатых и стройных бутылок разом подобрался, ни дать ни взять – тигр, к прыжку готовый.

Tiger, tiger, burning bright,
In the forests of the night,
What immortal hand or eye
Wrought that dreadful symmetry?⁷

– Что-что? – удивилась Гилви.

– Стихи такие, – объяснил я.

– А по-каковски это? Близко вроде – а непонятно...

– По-английски.

– А-а-а... ты и английский знаешь?

– Угу. Что ж тут странного? Столько книг хороших на нём написано...

– Кни-иг? А что, на общем их нет, что ли?

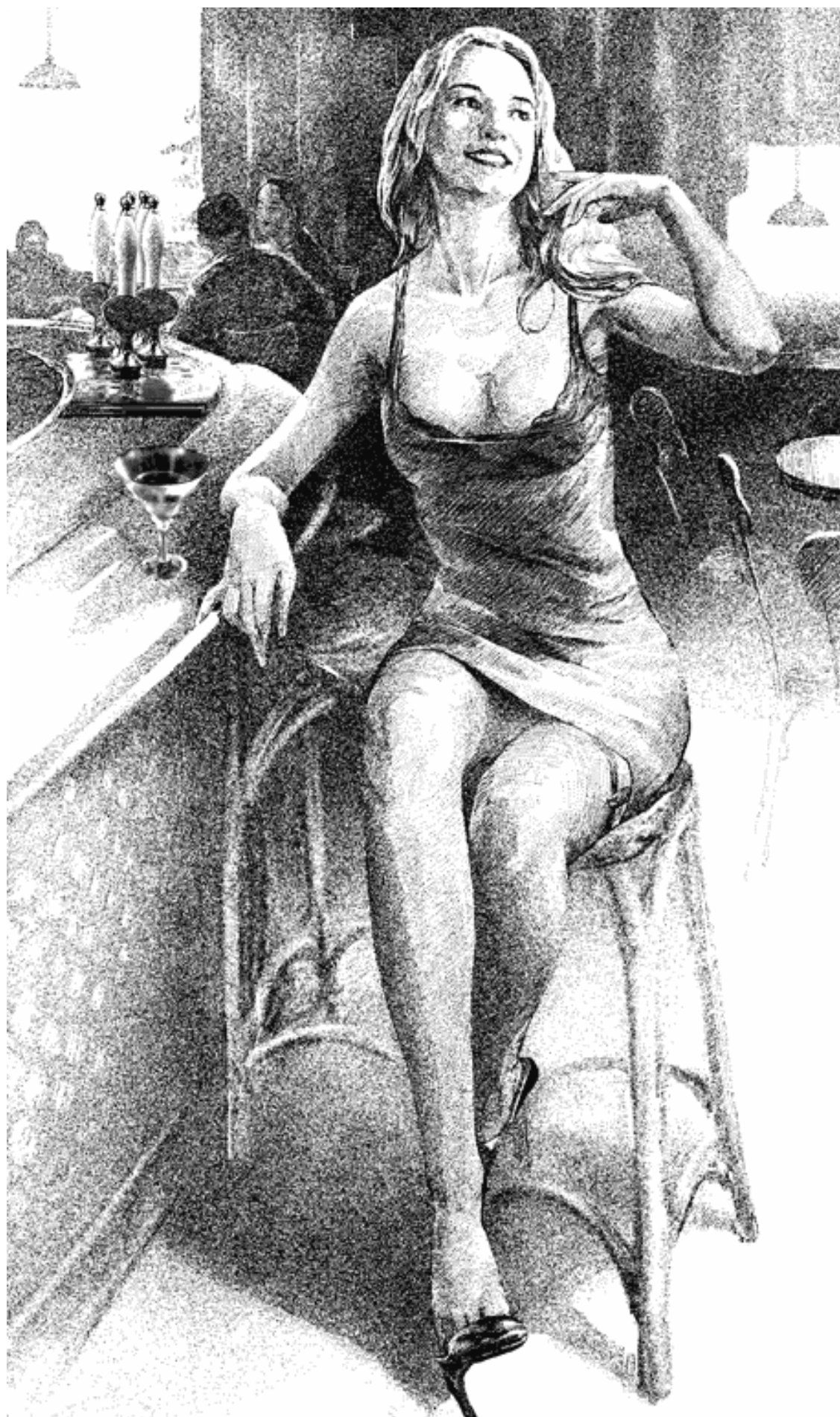
– Не все. Блейка, например, нету.

– Э, э, Рус, – испугалась Гилви. – Только не говори мне, что...

⁷ Тигр, тигр, жгучий страх, Ты горишь в ночных лесах. Чей бессмертный взор, любя, Создал страшного тебя? Пер. К. Бальмонта

– Ты что, он не запрещён, – поспешил я успокоить девчонку. – За кого ты меня принимаешь?..

– А кто вас, русских, знает, вы все как один чумовые, – пробурчала она. – Ну ладно. Молодец ты, что английский знаешь. А я вот не сподобилась... – она вздохнула.

Вообще, я знал, у «подружек» не было принято ныть и жаловаться на судьбу. Да и не так плохо они жили.

– Ну ничего, ещё нагоню, – с нарочитой бодростью проговорила она. – Ты думаешь, чего я тут сижу? На университет коплю. Да и льготы нам, подругам, положены. Слушай, чего мы тут сидим, Фреду выручку делаем? Ко мне-то пойдём, нет?..

Я аккуратно положил на стойку две монеты в одну марку каждая и поднялся. Бармен Фред проводил меня кривым взглядом. Как бы не обозлился на Гилви, что мало раскручивала солдатику...

...«Подружка» по имени Гилви жила в двух шагах от бара, в маленькой двухкомнатной квартирке – чистенькой, аккуратненькой, где даже пыль, похоже, летала только повзводно и в установленных для полёта местах. Повсюду красовались вязанные разноцветные коврики и половики – похоже, Гилви занималась этим делом всё свободное время.

– Чай будешь? – крикнула она мне, скрываясь в кухне.

– Да, пожалуйста! – откликнулся я, доставая книгу. – И давай мне эту бумажку, которая для бухгалтерии...

Гилви вынырнула из кухни, как-то странно взглянула на меня.

– Ты опять ко мне как в читальню пришёл, что ли?

Я кивнул.

– Гмс... – она как-то неопределённо пожала плечами, вновь отправляясь к плите. – Ну, дело твоё...

– Сейчас как раз «Властителей душ» показывать станут, – сказал я, заглянув в валявшуюся на подзеркальнике программку кабеля.

Гилви что-то промычала. Почти сразу же засвистел чайник, и я вошёл на кухню, предвкушая горячую кружку в руке и интересную книгу на коленях – пусть даже с ней всё время хотелось спорить и возражать её каждому слову.

– Спасибо, – я принял чашку из Гилвиных рук. Рядом с блюдцем появился серо-голубой «Листок учёта интимных услуг», имя: Гилви Паттерс, персональный общегражданский номер... номер ВУС... личный номер ИВС...

Я быстро проставил, где надо, против названий «услуг» птички с галочками и крестиками, широко расписался, аккуратно вывел в квадратиках слева внизу свой собственный военный номер. Всё в порядке. Гилви получит по высшей ставке.

– Спасибо, – теперь поблагодарила она. Правда, с каким-то странным выражением в глазах, но я этому значения не придал. Меня это не касалось. Мне хотелось просто посидеть в тишине – или даже под бормочущий телевизор – и почитать, неспешно попивая горячий чай. И – ух ты! – даже с вареньем. Из широкогорлой древней стеклянной банки, сейчас таких уже не делают.

– Сама варила? – не удержался я от вопроса.

– Угу. Попробуй. Бабушка научила. Говорят, у меня неплохо получается.

Я попробовал.

– Бабушка не зря старалась, – сказал я. – Здорово, Гилви. Не, на самом деле здорово! Малина классная...

– Спасибо, – Гилви неожиданно зарделась. – Ну... так я пойду, да?

– Ага, конечно. Телик включи, мне он мешать не будет.

– А я?

– Что «ты»?

– Я тебе мешать не буду?

– С какой стати? – удивился я. – Нет, конечно.

Она выразительно подняла брови, но ничего не сказала. Повернулась, ушла в комнату. Я отхлебнул чаю и раскрыл книгу.

...К концу дня 11 июля 1943 года 5-я гвардейская танковая армия сосредоточилась в районе контрудара. Командующий Воронежским фронтом маршал Ватутин усилил армию генерала Ротмистрова 2-м гвардейским танковым корпусом, 2-м танковым корпусом, 1529-м самоходно-артиллерийским полком, 522-м и 148-м гаубичными артиллерийскими полками, 148-м и 93-м пушечными артиллерийскими полками, а также 16-м и 80-м полками гвардейских миномётов. Вернувшись в штаб, вечером 11 июля генерал Ротмистров передал своим частям приказ Ватутина, гласивший: «На рассвете 12 июля во взаимодействии с войсками 1-й танковой и 5-й гвардейской армий нанести решительный удар с целью разгрома противника юго-западнее Прохоровки и к концу дня выйти на линию Красная Дубрава – Яковлево.

Я бы хотел оказаться там. В аду и грохоте столкнувшихся танковых лавин. Пятая гвардейская танковая армия, устремившаяся в самоубийственную атаку, – без малого две пятых машин (тридцать девять процентов, если быть точным) в её боевых порядках составляли лёгкие «Т-70», не представлявшие практически никакой угрозы для тяжёлых «тигров», «пантер» и «Т-IV» – кроме как с дистанции пистолетного выстрела.

...Численность танков в танковых корпусах 5-й гвардейской танковой армии на 11 июля:

18-й танковый корпус: «Черчилль» – 21; «Т-34» – 103, «Т-60» и «Т-70» – 63;

29-й танковый корпус: «КВ» – 1, «Т-34» – 130, «Т-60» и «Т-70» – 85; «СУ-76» – 9; «СУ-122» – 12...

233 «тридцатьчетвёрки» и 148 лёгких танков, бесполезных даже в ближнем бою...

Там умирали мои предки. На скверных «тридцатьчетвёрках» с ещё более скверной оптикой – против первоклассных боевых машин Рейха, поражавших русские танки с двух километров – против жалких пятисот метров, с которых пушка «Т-34» ещё могла осилить немецкую броню.

Пятая гвардейская потеряла в том бою три четверти своих танков. Но задачу она выполнила. Рейх не прошёл в Прохоровку. И пусть тот же Гланц задним числом теперь уверяет, что танковый корпус СС «и не собирался наступать». Пусть. Я знаю правду.

Чай быстро кончился в кружке. Как хорошо, когда можно просто протянуть руку за чайником и...

– Рус! – негромко окликнула меня Гилви.

Я повернулся. И не то чтобы обомлел – не мальчик, слава богу. Но что изрядно удивился – это точно.

Она стояла в дверном проёме. Как сказал бы какой-нибудь литератор – полуобнажённая. Хотя я сам предпочитаю более простое «полуголая». Во всех обязательных к ношению «подружками» подвязочках, чулочках и прочих деталях женского нижнего туалета, названиями коих я никогда не интересовался. Далька, например, и лифчика-то отродясь не носила.

Очевидно, Гилви, в свою очередь, как и *dame gaupmann*, следовала каким-нибудь методикам Академии Военной Психологии.

Наверное, всё это должно очень сильно возбуждать. Не знаю, может быть, я ненормальный – с точки зрения методичек. У меня лично всё это вызывает чувство стыда с поджиманием пальцев в ботинках.

– Красивая? Нравлюсь? – осведомилась она, кокетливо выгибаясь. – Может, всё-таки отложишь книжку и перейдём к несколько более весёлым занятиям?

– Гилви, – осторожно сказал я, не закрывая книгу. – Прости, пожалуйста, зачем тебе это надо? Прошлый раз всё было хорошо. И тебе, и мне. Зачем всё это... представление? Можно подумать, ты от желания умираешь. Господи, Гилви, я же знаю – у тебя тяжёлая, выматывающая работа. Работа, а не удовольствие. Удовольствия от очередного рекрута в твоей постели ты не получаешь. Совсем даже напротив. По-моему, радоваться надо, что мне от тебя ничего не нужно.

– А ты думаешь, мне приятно, что ты на меня как на бревно смотришь? – вспыхнула она. – Что лучше всего меня б тут совсем не было?

– Прости, Гилви, – я поднялся. – Не хотел тебя обидеть.

Она скорчила гримасу.

– Не хотел, не хотел, я знаю... Просто обидно, что я для тебя вообще не существую. В кои веки зашёл нормальный хороший парень – и на тебе...

– Откуда ты знаешь, что я нормальный? – заметил я. – Нормальный бы, наверное, тебя бы успел уже раза два, а то и три...

– Куда им! – Гилви махнула рукой, засмеялась. – Слабаки. Один гонор, и ничего больше. И каждый требует, чтобы ему сказали, будто бы он – самый лучший и способен за ночь сто девственниц осчастливить. Ты когда-нибудь осчастлививал девственницу, Рус?

– Что-то не припоминаю, – сказал я, и мы оба засмеялись.

С ней отчего-то было легко смеяться. И говорить. И даже господин штабс-вахмистр Клаус-Мария Пферц... в моём изложении получался вовсе не извергом, каким его не без основания считали почти все рекруты, а забавным шутником.

– Клаус-Мария? Вахмистр? – Гилви вдруг наморщила лоб, что-то припоминая. – Как же, как же... подружка про него рассказывала... Вошёл, такой весь из себя бравый, грудь в орденах, морда в шрамах. А потом... – она прыснула, – вдруг ей и говорит: «Свяжи, мол, мне руки колготками, раком меня поставь, сама садись сверху и хлещи меня по голой заднице, как только можешь». Представляешь?..

Я не слишком в это поверил, но тоже старательно расхохотался. Наверняка это тоже соответствовало какой-нибудь психологической методичке, рекруты должны смеяться втихую над начальством, чтобы кто-нибудь не разрядил в это самое начальство всю обойму.

Отсмеялись. Выпили ещё чаю.

– Завидую я твоей девчонке, – вдруг сказала Гилви. – Мне б такого парня... когда с другой – можно, чуть ли не заставляют – а он ни-ни... Чего она на тебя взелась, не скажешь? Я всё равно никому не расскажу. Да и не бываю я в ваших краях – знаю, там имперцев не любят...

– Вот потому и она тоже меня... того, – не выдержал я.

– Из-за того, что ты в армию пошёл? – ахнула Гилви.

– Ну да.

– Ну и ду... вот глупая, – успела поправиться Гилви. – Империя, армия – это ж хорошо! У нас на планете армию все любят.

– А откуда ты?

– Третья Зета Жука. У нас, покуда Империя не пришла, плохо было. Ой как плохо! Лорды всё под себя подгребли, сословия, цехи, ля-ля, тополя, туда не шагни, здесь не ступи, не суй своё простонародное рыло к благородным, первую ночь – сеньору...

– К земле не прикрепили, часом?

– К тому всё шло. Лорды друг на друга набегали, жгли да грабили всё подчиняющую. Мужиков и ребятню – в полон, баб – к плетню привязать в ряд, юбки на голову – и пожалуй, дружинишка, развлекаться. Оттрахают всех, уйдут... Ох, хлебнули ж мы горя.

А потом армия пришла. Как раз «Мёртвая голова» у нас и высадилась. В три дня порядок навели. Лордов, кто сопротивляться вздумал, – на осину. Без суда и следствия. Кто в леса вздумал бежать – объявили награду, выследили с помощью местных, окружили и взяли. Кто с оружием попался – опять же на осину. Кто сдался – каторга и поражение в правах. Но в живых оставили. Я после того поняла – если хочешь чего-то, держись, во-первых, Империи, во-вторых – армии. Правильные люди тут. Даже если любят, чтобы им руки колготками связывали, – она хихикнула. – Я, когда вербовалась, сразу сказала – отправьте, мол, туда, где «Мёртвая голова» стоит. Или её части. Так вот сюда и попала.

– Так ведь тяжело ж...

– Тяжко? Парню разок-другой дать? Парню, который, может, мою сестрёнку от баронского дружинника спасти будет, ежели те вновь бунт учинят? Который голову свою под пули подставлять будет? Видела я их, как они дрались, как в танках горели, когда колонна в засаду угодила... Не смей меня, Рус. А на всё остальное... врачи есть. Психологи те же. Хорошие. Я нормальная буду, нормальная, и любить смогу, и кончать, извини, по-настоящему... И рожать тоже. И никто, главное, потом ничего не узнает. Проходила службу во вспомогательных частях. Ты не думай, у нас тут курсы разные есть. Учат, чему только захочешь. И компьютеры, и сети, и биотехнология, что угодно. И служба у нас тоже есть, так что, ежели кто эдак с ехидцей спрашивать начнёт – мол, знаем мы эти «части вспомогательные», «вагинально-давательные», – всегда ответить сможем. Да так, что второй раз спрашивать никому не захочется.

Я ушёл, зная, что приду ещё.

...Так мы стали друзьями. Я приходил к ней каждое увольнение.

* * *

Вой сирен полоснул по нервам, вырвал из зыбкого предутреннего сна. Я почти что камнем рухнул вниз. Как ефрейтору и командиру отделения мне полагалась привилегированная верхняя койка. Почему и отчего она считалась лучше нижней, лежало вне пределов моего понимания, но ломать традиции и, как говорится, писать против ветра я считал глупым. Я здесь не для того.

– Тревога! – надрывался металлический голос. – Бо-евая тревога! Три креста! Расписание «Взлёт»! Срочный взлёт!..

Три креста и расписание «Взлёт» означали, что весь личный состав отдельного десантно-штурмового батальона «Танненберг» в срочном порядке грузится в транспорты и стартует. Со всем штатным вооружением и боевой техникой. На базах остаются только по два-три человека «дежурного персонала». Они будут считать себя несчастнейшими людьми во всей Вселенной – но потом вполне может оказаться, что им очень, очень крупно повезло.

Моё отделение в полном составе уже рванулось к оружейной. Мне навстречу попался господин старший мастер-наставник Клаус-Мария – лицо красное, перекошенное, глаза такие, что лучше в них и не смотреть. Во избежание нервных стрессов и срывов.

– Господин штабс-вахмистр...

– Восстание! – проревел он. – Восстание на Зете-пять! Чужие восстали!

Зета-пять. Понятно, почему нас подняли, – мы ближайшая к ней населённая планета. Земной тип, кислородная атмосфера, богатейшие флора и фауна, мягкий климат, изобилие суши (в отличие от нас), вдоволь морей и океанов. Конфетка, а не планета. Правда, осваивать её начали недавно. Когда люди осмелели настолько, что дерзнули обосноваться на планете по соседству с Чужими.

Да, на Зете-пять имелись Чужие. Конечно, не те, что владеют звёздными державами в районе Денеба или ядра Галактики. Чужие попроще, я бы даже сказал, примитивнее. Не так

давно вышедшие из железного века и только-только начавшие формировать свои собственные племенные союзы.

Но тут пришли мы.

И презрительно назвали их «лемурами».

Они и в самом деле походили на лемуру – покрытые мягкой шёрсткой, большеглазые, обитатели великих девственных лесов, где они облюбовали средние этажи древесных крон. На земле и на деревьях они устраивали маленькие делянки, рыхля их изогнутыми сучьями: железо у них пока ещё было слишком дорого и редко. Жили племенами. Огонь знали, но не любили – были вегетарианцами и сыроедами. И, само собой, лучшими следопытами и охотниками, известными человечеству.

И вот – восстали. Мирные, тихие лемуры. Они даже между собой не воевали. Конфликты улаживались ритуальным поединком, в котором, однако, не проливалось ни капли крови. Честно говоря, больших подробностей я не помнил. Лемуры числились потенциальным противником, как и все Чужие расы, жившие на одних планетах с людьми, но особенного внимания им никогда не уделяли. Никто не верил, что на Зете-пять возможен конфликт. Лемуры держали свои леса, которые колонистам были ни к чему – экспорт древесины в условиях космоса заведомо разорителен. На планете хватало равнин и речных долин, где поселенцы возделывали поля и сады – на Зете отлично приживались самые экзотические фрукты, мечта генетика. Не слыхал я и чтобы этих самых «лемуров» люди стали бы держать в рабстве или как-то угнетать – попробуй найди этих ловких малюток в непроходимых зарослях, да ещё и на вершинах деревьев!

Что-то непонятное. Скорее я бы уж поверил в начавшееся вторжение иных, куда более развитых и агрессивных рас, вдобавок похожих на нас в своём безудержном стремлении к экспансии, неважно какой ценой – лишь бы захватить побольше «жизненного пространства».

А тут – лемуры.

«Дарю, как лемур лемуру эдакую муру...»

Впрочем, я не мог долго предаваться размышлениям. Под вой сирен и полыхание прожекторов мы бежали к транспортам. Они уже давно не поднимались в воздух вот так, все вместе, таща в брюхе полностью всю роту с положенным ей тяжёлым оружием.

Имперские корабли и транспорты вообще строились с размахом. Когда была возможность, солдат следовало перевозить в условиях, несколько, как говорится, приближённых к человеческим. Не набивая трюмы под завязку, как мы мелких креветок в вакуумные контейнеры. На отделение полагался вполне приличный кубрик.

Разумеется, все эти удобства были на самом пробивающем пространстве корабле, который, как и положено, стартовать с планеты не мог. Для этого крейсера Глубокого Космоса были слишком огромны, так что никакие двигатели не подняли бы с поверхности эдакую машину. К самым первым из них, что не покидали орбит, с планеты поднимались «челноки», разгоняемые примитивными жидкостно-реактивными двигателями. Потом появились движки атомные. Эти оказались получше, но зато каждый из них оставлял в атмосфере радиоактивный след как после небольшого ядерного взрыва в пять-семь килотонн.

Тем не менее они помогли – когда строились уже настоящие «покорители пространства», настоящие корабли, на которых человечество достигло звёзд. И обнаружило, что землеподобные планеты с кислородной атмосферой и белковой жизнью – не такая уж исключительная редкость, хотя, конечно, попадались они куда реже, чем бесполезные газовые гиганты, подобные Юпитеру, откуда мы пока ещё не научились извлекать ничего толкового. Может, со временем и научимся...

Да, мы по-прежнему ломались через пространство. Хотя уже смогли обосновать теоретически существование тех самых сакраментальных «кротовых нор Пространства», «при-

родных гипертуннелей», соединявших друг с другом звёздные системы. Правда, влезать в эти «норы» мы до сих пор не научились.

Мало-помалу справились и с грязными, битком набитыми всевозможнейшими тяжёлыми изотопами выхлопами ядерных «челноков». На одном из таких, для чего-то размазанном зелёными и коричневыми пятнами «летнего» камуфляжа, мы сейчас и поднимались на орбиту. Туда, где наматывала бесконечную спираль вокруг Нового Крыма изящная «Мерона», элитный скоростной клиппер, гордость «Танненберга» и всей достославной дивизии «Мёртвая голова». Небольшой, но быстрый – даже в под- и надпространстве, как выяснилось, имеет значение масса покоя.

Именно здесь, на «Мероне», я впервые увидел и услышал Иоахима фон Валленштейна, майора, командира «Танненберга». Он обратился к нам, когда стонущие от перенапряжения реакторы разорвали-таки неподатливую ткань пространства и клиппер ушёл в затяжной прыжок.

На экранах мелькали звёзды – компьютеры транслировали имитацию «полёта» со сверхсветовой скоростью через обычное пространство, как если бы мы ехали на сакраментальном поезде из пункта А в пункт Б. От Нового Крыма к Зете-пять.

Господин Иоахим фон Валленштейн говорил короткими энергичными фразами, и можно было представить, как он расхаживает сейчас по мостику, резко рубя воздух ребром ладони.

– Soldaten! Heute haben wir eine wichtige Pflicht zu erfüllen. Wir müssen unsere Reichgenossen vom Feindhüten...

Солдаты! Сегодня перед нами поставлена важнейшая задача. Защита добропорядочных и законопослушных граждан нашей великой Империи от наглых и кровавых посягательств Чужих. На планете Зета-пять имеет место мятеж. Лемуры осмелились пролить кровь наших братьев по расе. Наш долг – спасти безоружных, вывести в безопасное место уцелевших и преподать аборигенам такой урок, чтобы они раз и навсегда запомнили – не связывайтесь с людьми, в этой войне вас ждут только муки и смерть. Наглый бунт должен быть подавлен в зародыше. Никому не позволено безнаказанно проливать человеческую кровь. Наша эмблема должна стать символом ужаса, непреодолимого и неотвратимого. И неважно, кто стоит за спиной лемурьей смуты, – именно их руки держали оружие, от которого гибли наши старики, женщины и дети. Поэтому мы покараем исполнителей. И, не сомневаюсь, в свой черёд мы не только узнаем, кто вдохновил этих несчастных дикарей, но и принесём наше возмездие к порогу вдохновителей. За фатерлянд! За Его Величество кайзера! За всю нашу расу! Хох-хох-хох-хайль! Зиг хайль!

Переборки клиппера содрогнулись от согласного рёва сотен и сотен глоток, в упоении оравших «Зиг хайль!».

Я тоже кричал. Хотя было донельзя противно.

«Мерона» ломилась сквозь пространство на самом пределе возможностей своих реакторов. Звёзды так и мелькали в компьютерных «окнах». Такого вот безумного бега нам оставалось почти полных сорок часов.

Моё отделение валялось на койках. Кто в буквальном смысле плевал в потолок, кто пиялился на красоток из раздела «Отдых» журнала «Императорский Десантник», кто резался в «морской бой» на деньги. Карты на борту были строжайше запрещены.

И все в равной степени мандражили.

Старавшийся казаться невозмутимым Микки шёпотом молился, и притом – по-немецки. Индусы сели в свои позы лотоса и уставились друг другу в глаза. Фатих метался по кубику, словно лисица по клетке.

– Сядь, турок, не мелькай, – раздражённо бросил Мумба. Он как раз и сражался в «морской бой» с Раздвакряком. – Без тебя то...

Мумба осёкся. Недостойно императорского десантника проявлять столь неподобающие настроения прямо перед боем.

Я сделал вид, что не расслышал, будучи поглощён чтением. Собственно говоря, читать мне как раз сейчас не полагалось, а полагалось беседовать с личным составом, поднимая его, состава, боевой дух и готовность немедленно умереть за обожаемого монарха.

– Муторно-то как, – вздохнул Кеос, отбрасывая в сторону «Десантника». Полуобнажённая красотка застыла, обиженно глядя с подогнувшейся страницы одним глазом. – Прямо блевать хочется. Господин ефрейтор! А господин ефрейтор! Что в уставе говорится по поводу неодолимого желания рядового блевать перед боем? Во сколько марок штрафа мне это обойдётся?

– В пятьдесят, – сказал я, не отрываясь от книжки. – Выписать тебе квитанцию?

– Так я же ещё не блюю...

– Тогда умолкни, Кеос. Не баба чай.

– Не баба, не баба... – зло проворчал румын. – Посмотрим ещё, кто из нас бабой окажется, когда под отравленные дротики полезем...

– Угомонись, – сказал я, глядя на Кеоса поверх раскрытой страницы. – Никто тебя в заросли не погонит. Пока не пройдутся артиллерией, а летуны напалмом зелёнку не прочистят.

– Я слышал – макаки эти и под землёй могут... – проронил Мумба. – Из туннелей вылезают – и ну горла резать...

Я поднялся. Отделение и в самом деле нуждалось в беседе. И подъёме морального духа. С такими нытиками в бой идти – только сам погибнешь и их всех положишь. А мне надо, до чёрта надо выполнить этот первый боевой приказ. И не просто выполнить, а выполнить на «отлично», чтобы меня заметили...

– Откуда бы ни вылезли – обратно уже не залезут, – меланхолично резюмировал Хань. Этот проделывал какие-то пассы руками – нет, не ушу, что-то иное, вроде дыхательной гимнастики. Пожалуй, он был лучшим солдатом в отделении – и уже успел дослужиться до своего первого «обера» и полоски на погонах. – На что тебе, Мумба, винтовка дана? Девочек удовлетворять, если длины своего не хватит?

Мумба немедленно взбеленился, поскольку за отсутствием каких-либо иных внятных достоинств очень гордился как раз длиной соответствующего своего органа. Как-то раз он поставил этим даже в тупик наших снабженцев – никак не могли отыскать подходящих по размеру защитно-профилактических средств. Поиски эти сопровождалась обильной перепиской, донельзя казённой, что делало всякое серьёзное её чтение невозможным – у всех начинались колики от хохота.

– Тихо! – гаркнул я, приподнимаясь с койки. – Мумба, успокойся. Хань, заткнись. Не хватало мне только вас, уродов, от трибунала отмазывать. Помните, что бывает за драку в боевой обстановке?

– Сваарг, – мрачно бросил Назариан. – Не хотел бы я там очутиться...

– А что, уже бывать приходилось? – немедленно поддел его Глинка.

Назариан метнул на чеха гневный взгляд, но ничего не сказал. Поднял отброшенный Кеосом журнал и зашуршал страницами.

Я-то знал, что Назариан как раз бывал на Сваарге. Правда, не в качестве заключённого – иначе его бы просто не взяли в армию, – а посетителя. Приезжал на свидание к сестре. Девчонка умудрилась вляпаться в какой-то «студенческий заговор» и получила десять лет по статье «за недонесение», поскольку щепетильная имперская Фемида не отыскала никаких доказательств её участия в подготовке покушения на местного гауляйтера, сиречь генерал-губернатора.

– Тихо, ребята, – уже нормальным голосом сказал я. – Ничего не сделаешь. Взялся за гуж – не говори, что своя рубашка ближе к телу. Там сейчас на самом деле умирают. Дети, девочки, старухи беспомощные. Или мы не мужики? Или мы не люди?

– И боевые приличные к тому ж... – громким шёпотом сказал Раздвакряк.

– И боевые приличные к тому ж, – согласился я. – Так чего ж не сделать дело, которое и правильное, и моральное, да за которое ещё и платят? Что нам эти лемуры? Неужели нас хитрее? Мы же не идиоты – дуrom лезть в заросли, верно?

* * *

За пять часов до высадки с нами начали проводить последний инструктаж. Каждый взвод собрался вокруг рельефной, на компьютере смоделированной карты – место высадки с показанной ближайшей задачей.

С нами был наш лейтенант и ещё один офицер, в кожаной тужурке без погон, в простом чёрном берете, как у танкистов, и без всяких эмблем на рукаве. Человек из ниоткуда. Лицо – истинно арийское. Волевой подбородок с заметным до сих пор шрамом, холодные серые глаза, из-под берета видны короткие светлые волосы. Лейтенанта пришелец не перебивал, сел в сторонку и слушал себе, не особенно отсвечивая.

Мне он не понравился сразу. Было в нём что-то от родной и незабвенной Geheime Staatspolizei. И смотрел он отчего-то на меня. Только на одного меня.

– Ставлю задачу, – спокойно и холодно сказал лейтенант. – Взвод высаживается у деревни Кримменсхольм. Отделения с максимально возможной быстротой занимают посёлок, ни на что не отвлекаясь. Лемуров игнорировать до тех пор, пока они игнорируют нас. Есть данные, что они не станут связываться с десантом. Мы не судьи и не палачи. Наше дело – безопасность штатских. Гражданское население должно покинуть Кримменсхольм и эвакуироваться. Мы обеспечиваем прикрытие. В случае атаки аборигенов занимаем круговую оборону и отстреливаемся, пока погрузка гражданских лиц не будет закончена. Разведка не предполагает массированного наступления лемуров на нашем участке. Действуем спокойно и внимательно, парни, помним, что на орбите наши крейсеры и что у лемуров нет не только тяжёлого оружия, но и вообще огнестрельного. Они берут только массой. А что может быть лучше для пулемётов, чем противник, атакующий густыми цепями?

Он старался нас ободрить. Вчерашние рекруты шли в свой первый настоящий рейд и донельзя трусили. Что вполне понятно и объяснимо. Но легче от этого лейтенанту наверняка не становилось. С такими солдатами непонятно куда глядеть – не то на противника, не то на Раздвакряка, чтобы чего не учудил.

– Занятие Кримменсхольма проводим по схеме «два-бэ», – лейтенант вытянул руку. – Отделения входят в деревню с четырёх сторон, здесь, здесь, здесь и здесь. Продвигаемся к кирхе. Сильные очаги сопротивления обходить, мелкие подавлять своими силами. Даю дефиницию: сильным считается очаг, на подавление которого требуется более трёх минут.

Схема «два-бэ» предусматривала наличие дружелюбно настроенного мирного населения. Нет нужды бояться, что из-за приоткрывшейся на миг ставни симпатичная веснушчатая девчушка с косичками всадит тебе в спину железный бёльт из натянутого руками взрослых арбалета.

– Продвижение и первичный осмотр осуществлять, ни на что постороннее не отвлекаясь, – продолжал тем временем лейтенант. – Убедившись, что в деревне нет неподавленных очагов сопротивления, приступаем ко второй фазе операции – эвакуации имперских граждан, оказавшихся в зоне мятежа. Тут уже будем тщательно осматривать каждый дом и каждый погреб. Особое внимание детям – они могли испугаться, убежать, спрятаться... Всё

ясно, десант? Надеюсь, вы меня сегодня не подведёте. Всё, инструктажи окончены. Готт мит унс!

– Готт мит унс! – рявкнул взвод.

* * *

Высадка. Нас уже сбрасывали трижды на транспортных ботах. Ничего особенного, только жуткая болтанка. Раздвакряк немедленно вырвало.

Мы сидели, вглухую затянувшись ремнями. Двигатели были так, словно грозились вот-вот лопнуть. После посадки возле этого самого Кримменсхольма останется здоровенное выжженное пятно, да ещё и донельзя радиоактивное. Мы наглотались таблеток; о том, чтобы заблаговременно выдать эти самые таблетки гражданским, и речи, само собой, быть не могло.

...О землю нас шандарахнуло так, что мне показалось – многострадальный бот немедленно развалится на мелкие кусочки. Но ничего – имперская сталь выдержала, хотя все до единого сочленения жалобно заскрежетали.

– Взвод! – холодно скомандовал лейтенант, рассматривая собственные ногти, словно ожидая увидеть там нечто потрясающе интересное. – Встали, господа.

Пошли. Как говорится, женихами!

Широкие створки распахнулись, упали наружу. Хлынул солнечный свет – здешняя звезда относится к тому же спектральному классу, что и наше собственное «коренное» светило. Небо было голубым, трава – зелёной, стволы деревьев – коричневыми. Тут, вблизи от человеческого поселения, растительность была нашей, земной – колонисты не слишком жаждали очутиться среди чужих, враждебных зарослей. Тополя и вязы отлично прижились на жирных чернозёмах Зеты-пять. Лемуры тоже как будто бы не слишком возражали против их присутствия...

И вот на тебе такое.

Уже издали было ясно, что в посёлок пришла беда. На высоком и тонком шпиле местной кирхи развевался, рвался по ветру чёрный флаг – такой в Средние века поднимали над зачумлёнными замками и городами. С окраин лениво тянулись в безмятежное небо три или четыре дымных столба – там что-то горело, но пламя пока ещё не охватило больших пространств. Этот момент нам следовало использовать.

Отделение быстро и довольно споро развернулось в цепь, и даже Раздвакряк ухитрился ни за кого не зацепиться и не заехать никому стволом по носу.

По диспозиции нам выпало заходить в Кримменсхольм с севера, а бот опустился на южной окраине. Так что теперь пришлось топтать в обход, поскольку брони с нами вместе не сбросили – в первой волне шло максимальное количество солдат и минимальное – тяжёлой техники; её черед наступит позже, когда пехота займёт плацдарм.

– Бегом! – гаркнул господин штабс-вахмистр. Он пошёл с нами.

Хотел бы я знать зачем...

Честно говоря, смысла этого кругового обхода я не понял. Если нам надо как можно скорее спасти гражданских, то терять время на то, пока все отделения выйдут на обозначенные позиции, – просто глупость. Деревню следовало просто занять, без долгих рассуждений.

Так я думал в те минуты. Я ошибался.

Вокруг Кримменсхольма тянулись тщательно возделанные поля, перемежавшиеся геометрически правильными прямоугольниками цветущих садов. Здесь была в разгаре весна, или, что правильнее, сезон цветения.

Поля во многих местах носили следы потрав. Многие фруктовые деревья – ободраны, ветки безжалостно обломаны, на земле – целые покрывала сбитых нежно-розовых и снежно-белых лепестков. Аккуратные низкие заборчики повалены, разнесены в щепки.

Первого лемура мы нашли минут через пять. Он лежал лицом вверх – мордашку покрывала слипшаяся от крови шерсть. С левой стороны череп разможён – громадная рана от удара чем-то тупым и тяжёлым, вроде дубины. В руках, в маленьких ловких пальчиках убитый сжимал оружие – примитивное копьё с вырезанным из кости какого-то зверя накопником.

Да, с таким оружием много не навоюешь...

Чуть спустя мы нашли второй лемурий труп. Прямо в груди торчали трёхзубые крестьянские вилы, полной замены которым так и не нашлось даже в «век покорения космоса». А шагах в пяти лежал и сам владелец вил – точнее, то, что от него осталось.

Голова оторвана. Мягкие ткани на груди и животе выедены вплоть до скелета. То же самое на бёдрах и икрах. Такое впечатление, что над телом потрудились стая крыс, лишь по чистой случайности не успевшая довести свой труд до конца.

Лица не осталось совершенно. Опознать погибшего невозможно – только разве что по нагрудному жетону-номеру.

– Ефрейтор, запротоколировать, – ледяным голосом приказал Клаус-Мария.

Я поднял камеру. Не останавливаясь, сделал несколько снимков. Лемур с вилами. Мёртвый крестьянин. Оба вместе.

Потом я нагнулся к телу. Цепочка с опознавательным жетоном исчезла. Может, просто отлетела куда-то в схватке – земля вокруг тела была вся истоптана и взрыта.

– Время не терять! – прикрикнул на нас вахмистр. – С холодным грузом будем разбираться после зачистки.

Мы двинулись дальше. Я оглянулся – Раздвакряк был совершенно зелёным, Фатих немногим лучше. Остальные смотрели дико и растерянно.

Рекруты впервые увидели такое.

Я тоже. Но у меня имелись свои преимущества.

– Шире шаг! – гаркнул Клаус-Мария. – Ефрейтор, не спать! Глаза разуйте, удавы узловатые!

Мы не успели выполнить эту команду. Из гущи цветущего сада, с расстояния в десять шагов в нас колючей тучей устремились стрелы.

Имперский десант не зря таскает на себе добрых десять кило бронежилета. Опускные пластиковые забрала шлемов выдерживают удар пистолетной пули в упор, а с дистанции – так даже и автоматной.

Мы не имеем права бояться. Вроде как по теории.

Но страшно всё равно было очень. Резкий отрывистый свист, глухой удар в грудь – а руки сами собой вскидывают «манлихер», палец жмёт на спусковой крючок, свинцовый веер рубит заросли, а тело уже прижимается к земле – и стрелы бессильно летят поверху.

Слева от меня кто-то истошно завопил. Опустошив магазин, я скосил глаза – ну конечно, вечный неудачник Раздвакряк получил стрелу в мякоть ноги. Остриё вошло между защитными пластинами. Чёрт, оно наверняка ещё и отравлено...

Отделение залегло и ответило огнём. Дождём летели щепки, срезанные пулями ветки и листья. Господин вахмистр Клаус-Мария лежал в цепи наравне со всеми и азартно палил. Людьми никто не командовал.

Я вжал кнопку переговорника.

– Первый, я Четвёртый. Попал в засаду, обстрелян из луков, имею одного тёплого.

– Четвёртый, не отвлекайся на ерунду. Подавите сопротивление гранатами – и вперёд. Слышите? Только вперёд! В деревне жарко...

– Вас понял, Первый.

Мне потребовалось секунд пять, чтобы осмотреться. Стрелы летели только с одной стороны, окружить нас ещё не успели. Были ли у противника потери, мы не знали. Трупов на виду не валялось.

– Гранаты! – скомандовал я. – Микки, Фатих! Под ту яблоню! Сурендра, Джонамани! На ладонь правее! Глинка, Мумба! Ещё на ладонь! Кеос и Хань...

– Поняли тебя, командир! – отозвался дисциплинированный китаец.

Я перекатился к несчастному Раздвакряку, прижал к земле, с ходу вогнал шприц анальгетика и вспорол ножом штанину.

Рана выглядела паршиво. Наконечник наверняка костяной и наверняка останется в теле, если дёрнуть как следует.

Я вскрыл медпакет, и в этот момент отделение дало дружный залп гранатами.

Подлетела и, бессильно раскинув ветви, рухнула вниз подсечённая яблоня. Во все стороны брызнули щепки и комья земли. Вывалился из кустов крыжовника вспоротый от глотки до паха лемур, повалился, расплёскивая вокруг себя внутренности.

Стрелы лететь тотчас перестали.

– Отделение, осмотреться! – скомандовал я, торопливо обрабатывая рану Раздвакряка универсальным противоядием. – Микки, Мумба – носилки!

– Долго ещё копать будешь, ефрейтор? – зло гаркнул мне Клаус-Мария, поднимаясь в полный рост и пренебрежительно поворачиваясь спиной к изуродованному саду. – Встали и пошли! Раздвакряк, опять, урод, всё из-за тебя?!

Ребята задвигались быстрее. Многие со страхом косились на окровавленную ногу Кряка. Анальгетик уже подействовал – Раздвакряк не выл и не стонал от боли, только с каким-то странным удивлением рассматривал торчащий из ноги деревянный оперённый стержень.

– Не тащи его с собой, ефрейтор, – вахмистр наклонился над раненым. – Не смертельно. Всё, что мог, ты уже сделал. Пусть включит пищалку и ждёт медиков. Не переться же с носилками под стрелы!

Детская подначка. Знаем, как с этим управляться.

– Никак невозможно, господин штабс-вахмистр! – в свою очередь по-уставному гаркнул я. – Десант своих не бросает! Даже на время.

Клаус-Мария поморщился.

– Думаешь, я тебя проверяю, мальчик?.. Нет, не проверяю. Это приказ. Легкораненый десантник может сам о себе позаботиться, иначе это не десантник, а тряпка. Тряпки нам в «Танненберге» не нужны. Ну, долго ещё разговоры говорить станем? Или выполним приказ? Эвон, и так сколько на тебя лишних слов потратил. Всё потому, что я не только вахмистр, но ещё и доннерветтер... Старший мастер-наставник.

Я скосил глаза, встретил совершенно безумный взгляд Раздвакряка... и отдал вахмистру честь.

– Отставить носилки! Продолжаем движение. Кряк, включи маяк. Санитары тебя подберут.

Несчастный Селезень затрясся, словно в лихорадке, и громко шмыгнул носом.

Обезболивающие подействовали, он сейчас почти ничего не чувствовал, но перспектива остаться одному явно его не вдохновляла. Правда, под взыскующим взором господина старшего вахмистра вслух охать и ныть он не осмелился.

Оставшись вдесятером, отделение вошло в Кримменсхольм.

Добротный дом под красной черепичной крышей, стены тщательно выбелены. Здесь с каким-то маниакальным упорством кто-то имитировал так называемый «тирольский» стиль.

И прямо на пороге распахнутой двери, на высоком кирпичном крыльце лежал второй встреченный нами мёртвый человек. Лицом вниз, раскинув руки – скрюченные пальцы так и не разжались на рукояти дозволенного поселенцам нарезного «маузера». На ступенях валялось с полдюжины стреляных латунных гильз. Трава и дорожка выпачканы кровью, но тел нет – верно, нападавшие унесли с собой и убитых, и раненых.

Вахмистр вновь выразительно покосился на меня. Я отдал приказ – Микки и Мумба вбежали в дом. Через мёртвого они просто перешагнули. У нас была задача эвакуировать живых, а не хоронить павших.

– Пусто! – миг спустя крикнул Мумба, высовываясь из окна.

Один дом, второй, третий. Пусто. Несколько полусъеденных человеческих трупов. Ни на одном мы не нашли опознавательных жетонов, словно лемуры задались целью собрать их все. И ни одного лемурьего тела, хотя крови было предостаточно. Тоже вынесли? На них похоже...

Никто из поселенцев не сдался без боя, все погибшие лежали с оружием в руках; ещё одна загадка – для чего лемурам потребовалось собрать все до единого имперские жетоны, а вполне мощные ружья и охотничьи винтовки, с которыми они, лемуры, спокойно бы управились, остались лежать, где лежали?

Нормальный ефрейтор даже не стал забивать бы этим себе голову. Пусть думает разведка, ей за это повышенные оклады платят. Но я как раз не был нормальным ефрейтором.

Жетоны имперского гражданства. Голографическая фотография, микрочип, содержащий всю информацию о субъекте, могущую представлять интерес для «компетентных органов». Считается, что подделать это невозможно. Что не различит глаз, опознают сканеры. Так зачем лемурам это потребовалось?..

О, разумеется, у меня тут же сама собой придумалась версия – что жетоны каким-то неведомым для меня образом будут изменены и шпионы Чужих пойдут гулять по нашим градам и весям...

– Командир! – завопил в переговорнике Фатих. – Дети, командир!..

Фатих, Микки и оба индуса как раз обшаривали очередной дом. Остальные из моего отделения прикрывали их – на всякий случай.

– Родители?

– Мёртвые, да упокоит их Аллах.

– А где детей нашёл?

– В погребе прятались. Кто-то дверь снаружи запер. А они кричать стали...

– Вы что же, так топали, что аж в погребе слышно было? – рассвирепел я. Хорош десант, нечего сказать!

– Не... мы покричать решили, – услышал я голос Микки. – Виноват, господин ефрейтор, это была моя идея...

– Не орать надо было, а замки снять, – рыкнул на них я. – Помните, что говорил лейтенант?..

Турок с финном пристыженно затихли.

– Ладно, ребятишек сюда давайте. На взрослых жетонов – нет?

– Никак нет, господин ефрейтор, – зачастил Фатих. Верно, чувствовал себя на самом деле виноватым. – Жетоны сняты, трупы обглоданы...

– Прикрой их чем-нибудь, прежде чем дети увидят.

– Слушаюсь!

Нехитрая эта идея, как видно, сама в голову Фатиха не пришла.

Вскоре появился Микки, держа на руках двоих ребятишек. Мальчишка лет восьми и девочка примерно пяти. В аккуратном платьице, полосатых гольфах и красном наголовнике – ну точь-в-точь Гретхен из известной сказки.

Девочка плакала, размазывая слёзы кулачками, мальчик дёргал Микки за подшлемный ремень, повторяя как заведённый:

– Где мама? Мама, господин солдат, я должен к маме... Папа велел, когда уходил...

Мальчугана уже научили обращаться к незнакомым «господин»...

– Вот наш ефрейтор, Петер, – Микки осторожно опустил мальчишку наземь. Девочка осталась на руках у финна, прижимаясь зарёванной мордашкой к броневому наплечнику.

– Господин ефрейтор, – мальчик тотчас просиял, словно я был для него самим Господом Богом. – Господин ефрейтор, меня зовут Петер. Петер Штауфенманн. Мы тут жили... с мамой и папой, ну и сестричка ещё, Штеффи, но она ещё маленькая, не понимает ничего. Господин ефрейтор, мне очень-очень нужно к маме...

За каким чёртом Микки подсунил мне это? Что я скажу мальчугану, этому славному мальчугану-поселенцу, будущей опоре Империи, «представителю стержневой нации», – что его родителей нет в живых, что они валяются в доме, выпотрошенные и наполовину сожженные?

Я сглотнул. Пожалуй, легче было бы выдержать настоящую лемурию атаку.

– Петер, я... должен тебе кое-что сказать. Мальчик, ты молодец, ты... словом... – голос у меня сорвался на хрип. – Петер, твои мама и папа погибли. Погибли в бою. Они спасали вас. До последней крайности...

Мальчик вдруг сел. Просто сел, словно ему разом отказались служить ноги. Лицо у него сморщилось, искривилось, брови, словно сломавшись пополам, поползли к переносице. Он не заплакал, не закричал – я даже не могу обозначить словом то, что вырвалось у него из груди. Наверное, ближе всё-таки будет «предсмертный вопль», так кричит заяц, когда ушастого беднягу настигает собачья свора. Он сразу всё понял. И закричал. Хотя утверждалось, что в таком возрасте дети относительно легко переносят потери – они ещё не совсем сознают, что это значит.

Ерунда. Этот малыш всё понял сразу.

Он скорчился на земле, прижав сжатые кулачки к лицу, а мы стояли вокруг, здоровенные грубые десантники в броне, с серебряным черепом на фоне чёрного геральдического щита, и не знали, что делать. Я взглянул на Микки и подумал, что флегматичный финн тоже предпочёл бы сейчас оказаться под огнём, чем смотреть на терзаемого ребёнка.

Господин штабс-вахмистр тоже безмолвствовал.

– Отделение, – я прочистил сжатое спазмом горло. – Не останавливаться! Микки и Фатих, за детей отвечаете головой. Если с ними что случится – сам вас расстреляю. И пусть меня потом судят...

Это уже лишнее. И так ребята не дадут с головы детишек и волосу упасть.

Конечно, я не знал прошлого ни Микки, ни Фатиха. Оба – с громадных планет-мегаполисов, покрывших без малого всю поверхность. Оба выросли на гидропонике и синтаминах. Оба рано попали туда, откуда самая дорога в доблестные Имперские Вооружённые силы, всегда готовые прикрыть твою задницу, – на дно. Нет, едва ли парни успели стать серьёзными уголовниками или драгдилерами – их бы просто не пропустили отделы внутренней безопасности. Но в бандах состояли наверняка. Армия на подобное смотрит сквозь пальцы – тем более что новобранцы приходят в ряды, понюхав порошу и умея прилично стрелять...

К чему это я? Никто не гарантирует, что, если станет горячо, те же Микки с Фатихом не отшвырнут ребятишек в сторону, принявшись спасать свою шкуру.

Собственно говоря, именно это я и имел в виду, произнося всяческие грозные слова про ответственность головой и так далее.

Но отчего-то я всё-таки уверен, что этого не случится.

– Не задерживаемся, ефрейтор, не задерживаемся! – зло гаркнул Клаус-Мария, враз напомнив мне, кто здесь хозяин. – Сколько ещё домов не осмотрено?

Не осмотрено было немало. Я махнул рукой ребятам, отделение затопало за мной, и тут мальчишка, скорчившийся было на руках Микки, вдруг взглянул мне прямо в лицо.

Он был ещё в шоке, и ему, вообще-то говоря, следовало вкатить изрядную дозу транквилизатора, – но обратился он ко мне честь по чести. Словно сам был рядовым под моей командой.

– Господин ефрейтор... там ещё Мэри осталась, и ещё Грэхем, и ещё Пауль с Максом...

– Где? Показать можешь?

– Во-он там, господин ефрейтор. За тем домом, мы там всегда играли... Там старый погреб, господин ефрейтор...

Для только что потерявшего родителей восьмилетнего мальчугана он держался поразительно твёрдо.

– Хань, Сурендра, Джонамани! Быстро туда! Вытащить детей и обратно!

Парни отбарабанили уставное «Есть!» и рванули в указанном направлении.

Я связался со штабом, доложил обстановку. Лейтенант холодно порекомендовал мне «ускорить движение» и «протоколировать все случаи гибели имперских граждан», равно как и «принять все возможные меры для обеспечения безопасности несовершеннолетних».

Самым разумным сейчас было как можно быстрее сделать свою работу и убраться отсюда. Отчего-то предчувствия мною владели исключительно гнусные.

Мальчишка вроде бы стал поспокойнее.

– А ещё я знаю, где Марта могла спрятаться... – и его ручонка указала в сторону, противоположную той, где только что скрылась моя тройка.

Не знаю почему, но я вдруг подумал, что у меня вот-вот не останется людей. Селезень, наверное, так и валяется, поджидая санитаров, трое отправились за детьми, Микки и Фатих держали найденных первыми ребяташек и, следовательно, были небоеспособны. «Манлихер» хорошая и мощная машинка, пробивная, но палить из неё с одной руки способны только истинные профи. К каковым ни мой финн, ни я сам, само собой, не принадлежали.

Только четверо способных по-настоящему вести бой. И все – расслабившиеся как-то, словно ушибленные открывшимся страхом, трупами и, самое главное, неизвестностью. Конечно, тут присутствовал господин штабс-вахмистр, который один в бою заменил бы всё моё отделение, но...

– Собрались, ребята, – словно мальчишкам-скаутам сказал я. – Никуда пока не двигаемся, пока не вернутся остальные.

Остальные...

В следующий миг разом произошло слишком много событий. Описывать их придётся последовательно, темп неизбежно потеряется. Но всё-таки.

Ожил переговорник. И я услышал истошный вопль обычно сдержанного Сурендры:

– Засада!.. Заса...

Треск выстрелов. Вопль, приглушённый электроникой.

Захрипел Микки, словно его душили.

Фатих не то взвизгнул, не то закричал.

Оба они стояли ко мне спиной, я не видел их лиц, но что я разглядел – коричневое щупальце, внезапно и стремительно захлестнувшее шею финна.

И из окон окружавших нас домов полетели стрелы. Много и метко.

Назариан опрокинулся навзничь: бедняга не успел бросить на лицо бронепластиковое забрало, и стрела вонзилась ему аккурат под скулу. Кеос оказался порасторопнее – плюхнулся в канаву, и его винтовка плеснула огнём.

Клаус-Мария Пферц... не подкачал. Он-то как раз был профессионалом. И не зря, как выяснилось, носил за спиной второй ствол, короткий «alder». И сейчас с двух рук, не пригибаясь, бил по окнам, так, что только летели щепки крошимых в капусту подоконников. Вот

перекувырнулся и грянулся вниз лемур, вместо головы – кровавое месиво, но руки-лапы так и не выпустили из рук стрелы...

А я, мало что не оцепенев от ужаса, смотрел на Микки. Вернее, на мальчика, только что мирно сидевшего на руках у десантника.

Вместо рук у мальчишки были коричневые, покрытые слизью щупальца, стремительно стягивавшиеся на горле финна. Микки уже хрипел.

Я выстрелил. Не рассуждая, что это я такое вижу перед собой, не сошёл ли я с ума и не есть ли это всё хитроумная лемурия провокация, с помощью, скажем, неведомых галлюциногенов.

Пуля «манлихера», тяжёлая, снабжённая дополнительным сердечником и надпиленной оболочкой, прошла через голову «Петера». Точнее, прошёл сердечник, расколовшаяся оболочка осталась внутри.

Голова лопнула, словно перезрелый арбуз. По аккуратным плитам тротуара (да, да, в деревне с прославленной немецкой аккуратностью были положены тротуары) брызнула какая-то чёрная жижа.

Второй мой выстрел предназначался девочке, успешно душившей Фатиха. Глинка тоже выпалил, и я увидел, как из груди девочки вперёд вылетает сноп кровавых брызг – пуля вошла ей в спину. Моя пробила ей голову.

Оказалось, что тяжёлые пули стандартного армейского калибра 7 и 9 отлично действуют не только на людей, но также и на неведомую нечисть.

Я не успел больше ничего сделать. Даже не смог протянуть Микки руку и помочь ему встать. По шлему успело попасть пять или шесть стрел. И мне пришлось прыгнуть в ту же канаву, рядом с Кеосом, и опустошить пару-тройку магазинов.

– Хань! Сурендра! Джонамани!

– Командир! – отозвался Сурендра.

– Обстановку!..

– Хреново. Зажали нас. Детишки-то...

– Знаю! Дай пеленг! Что с остальными?

– Джонамани ранен, Хань тоже. Монстров этих... постреляли вроде. У них в голове чёрная жижа, командир. Лемуры... со всех сторон. Вроде как хотят живым взять...

– Знаю. Сейчас пошлю к тебе Мумбу и Кеоса. Вытащите раненых. Держись!

– Держусь... хорошо ещё, их стрелы броню не пробивают.

– Гранатами их, Сурендра.

– Понял, командир.

Я переключил коммуникатор.

– Кеос, Мумба! По пеленгу Сурендры – бегом марш! Хань и Джонамани ранены. Вытащить их сюда.

– Что, ефрейтор, штаны пока ещё не намочил? – прорезался голос господина старшего вахмистра.

– Никак нет, господин...

– Отставить. Что за ребята послал – правильное решение. Я бы на твоём месте связался с господином лейтенантом.

Это было разумно. Я вызвал штаб.

Лейтенант отозвался сразу.

– Что у тебя, Четвёртый? Ситуация?

– Так точно. Подверглись нападению... мутанты, замаскированные под детей. Имею четверых раненых.

Лейтенант секунду помолчал, а потом выругался.

– Не ты один, Четвёртый. Все остальные отделения тоже. Помочь не могу. Поставленную задачу выполнять своими силами. Поиск имперских граждан продолжать, несмотря ни на какие обстоятельства. График операции остаётся прежним. Конец связи.

Легко сказать – поиск имперских граждан продолжать, несмотря ни на какие обстоятельства. Как их отличить от этих тварей? Брать каждого найденного на руки и ждать, когда они начнут душить моих ребят?

Да и то вопрос – как они могли душить? Горло десантника прикрыто гибким высоким воротником из кевлара, который дави сколько хочешь, а всё равно не задушишь. Специально было сделано для участия в контрпартизанских действиях. А то были любители накидывать на шею десанникам петли-удавки.

– Молодец, что помощи просить не стал, – услышал я Клауса-Марию. Лемуры тем временем перестали осыпать нас стрелами, очевидно поняв бессмысленность этого занятия. – Лейтенант не любит тех, кто сразу начинает ныть и требовать целую танковую роту, едва оказавшись в «котле».

– Благодарю...

– Можешь обращаться ко мне просто «вахмистр», – милостиво соизволил снизить господин штабс-вахмистр.

– Слушаюсь, вахмистр. Сурендра! Сурендра, ответь!

– Командир, видим их, – отозвался вместо индуса Кеос. – Лежат. У Сурендры торчит стрела из-под шлема.

– Ч-чёрт! Противник?

– Стреляет... – процедил сквозь зубы румын, и в следующий миг переговорник заполнил гулкий голос «манлихера».

Больше посылать на помощь было некого. У меня и так на руках был раненый Назариан.

Лемуры отступили, надолго ли – кто знает. Все окна окрестных домов, откуда летели стрелы, были разворочены, избиты пулями, стены покрылись частыми оспинами, кое-откуда лениво начинал подниматься дым, отмечая места, где взорвались выпущенные господином старшим вахмистром гранаты.

Назариан тихо подвывал.

– Раз воет – значит, будет жить, – заметил Клаус-Мария, ловко подкатываясь к армянину. – Давай, ефрейтор, не спи.

– Командир! – ожил в переговорнике Мумба. – Мы их тащим, всех троих. Мохнатые вроде как отошли. Мы их покрошили немерено... Но Сурендра плох. А Хань ничего, даже перебирать ногами может...

– Пеленг устойчивый? Дойдёте?

– Дойдём, командир, – пропыхтел Кеос.

Я бросил быстрый взгляд на лежавшие посреди дороги тела. Мальчик и девочка, головы разбиты в кашу, чёрная слизь, растёкшаяся по плитам. Руки, вполне человеческие, но заканчивающиеся коричневыми щупальцами. Меня передёрнуло.

Тянуло плевать, но я не для того становился ефрейтором.

Аккуратно завернув оба нетяжёлых тела в плёнку, так чтобы ничего не просочилось наружу, я запихал их в заплечный «сидор». И вновь натолкнулся на одобрителный взгляд вахмистра.

Вскоре показались Кеос с Мумбой. Хань и в самом деле кое-как перебирал ногами, тяжело опираясь на плечо румына, зато обоих индусов могучему Мумбе пришлось волочить на себе.

Некоторое время нам пришлось потратить на раненых. Хань вогнал себе один за другим три шприца – обезболивающее, универсальный антидот и стимулятор, в результате чего хоть и с трудом, но мог брести сам. Остальных пришлось класть на носилки, и на сей раз даже господин вахмистр ничего не сказал. Хотя отделение разом превратилось в ходячий госпиталь. Мы потеряли ранеными шестерых.

На ногах остались я, Мумба, Кеос и Глинка. Ну и, само собой, господин штабс-вахмистр. Нам пришлось класть на импровизированные носилки сразу по двое. Мумба один тащил здорового Микки.

Ясно, что при таких делах нам следовало как можно скорее вынести раненых в безопасное место и вернуться к выполнению задачи, но после случившегося все, похоже, молчаливо согласились, что безопасных мест вблизи просто не осталось.

Я вновь доложил лейтенанту. На сей раз он, не колеблясь, послал ко мне медиков. Инвалидная команда воевать не может. Держать оборону, стоять насмерть и до последнего патрона – да, а вот вести поиск – нет.

Пока ждали санитаров, успели обшарить ещё несколько домов. Клаус-Мария настоял, чтобы мы осмотрели и те, откуда в нас стреляли лемуры.

Делать нечего, поднялись.

Могут сказать только одно: трупы – это отвратительно. Посечённые пулями и осколками гранат лемуры, разорванные чуть ли не пополам, с вывалившимися кишками и раскрытыми черепами – малоприятное зрелище. Мы нашли ещё несколько мёртвых поселенцев (все как один – без опознавательных жетонов), но и только.

И лишь когда команда медиков забрала у нас раненых и уменьшившееся вдвое отделение двинулось дальше, началось настоящее веселье.

Остальные парни из нашего взвода были уже близко, и, когда поднялась пальба, они тотчас бросились нам на выручку, но, пока они добежали, господин штабс-вахмистр успел провалиться в замаскированную яму-ловушку, а на нас со всех сторон посыпались уже не стрелы, а увесистые булыжники и короткие тяжёлые бельты, выпущенные из настоящих арбалетов. Лемуры были повсюду: на крышах, внутри домов, за сараями и амбарами, на вершинах деревьев; они собрали здесь стрелков и пращников, и нам пришлось жарко. Провалившийся в яму господин вахмистр ревел, словно медведь на случке, Кеос поймал забралом увесистое пращное ядро, и пластик изнутри немедленно окрасился кровью.

Оставшись втроём, мы с Мумбой и Глинкой, наверное, попытались бы отступить за хоть какое-то укрытие, но, увы, угодивший впросак господин вахмистр вынудил нас застрять аккуратно посередине, как говорится, словно дырка на картине.

Чех и негр палили во все стороны, я бросился к поглотившей господина Клауса-Марию дыре, включил фонарь – на дне катался настоящий живой мохнатый комок, господин вахмистр совершенно исчез под массой лемурьих тел. Время от времени кто-то из лемуров подвёртывался под железный кулак господина вахмистра и отлетал в сторону, однако число мохнатых врагов не убывало. Стрелять я не мог, «манлихер» на такой дистанции прошьёт бронежилет насквозь, и всё, что мне оставалось, – это крикнуть:

– Маска, вахмистр! Маска!

В ответ из переговорника послышалась дикая брань.

Ничего не поделаешь. Ничего, кроме газа, у меня не оставалось. С такой массой лемуров не справиться – завалят, и ничего не сделаешь.

Я швырнул вниз газовую гранату. Оставалось надеяться, что маска у господина старшего вахмистра подогнана как следует и, в соответствии с уставом, ему не потребуется поднимать забрало – шлем у нас, само собой, не для работы в открытом космосе. Не герметичный.

Поук-пшшшш... Граната исторгла облако плотного и густого дыма. Лемурий клубок тотчас разметало в разные стороны. Я бросил вниз тросик с «кошкой» – трос тонок, однако господину вахмистру в самый раз – показать мастерство.

Клаус-Мария и в самом деле вылетел из ловушки как на крыльях. По затылку его шлема тотчас стегнула стрела, со звоном отлетела в сторону – такое впечатление, что снабжён бельт был самым настоящим стальным наконечником. Интересно только, откуда они у не знающих даже бронзы мохнатых обитателей лесов?

Мне тоже досталось – два пращных ядра. Несмотря на броню, тюкнуло чувствительно. Опрометью бросились к укрытию, за нами, отстреливаясь на ходу, Кеос и Мумба. И едва мы добежали до казавшейся нам спасительной стены, как она внезапно рухнула прямо нам навстречу.

Хорошая, добротная кирпичная стена. За ней – что-то вроде гаража, только теперь там обосновались совершенно новые обитатели.

Не только я или Кеос, не говоря уж о Мумбе, но даже и господин штабс-вахмистр никогда не видел ничего подобного.

Шевелящаяся масса тех же самых коричневых щупалец. Выдавшаяся вперёд крокодило-акуля пасть. Два пучка зелёных глаз по обе стороны челюстей. Внизу – что-то вроде «подошвы», как у улиток или слизней. Тварей этих было там самое меньшее с десятков, гараж был битком набит, и Кеос, разогнавшийся быстрее остальных, с разгону влетел прямо в ждущие объятия.

Открыть огонь успели только я и Клаус-Мария. Помню, что меня перекорежило от отвращения – твари казались настолько уродливыми и несообразными, как ни один из самых пугающих хищников. В следующий миг наши «манлихеры» извергли потоки свинца. Пули с чмокающим звуком вонзались в податливую мягкую плоть, густо покрытую блестящей в неярком свете слизию.

На площадь за нашими спинами вырвалась подмога, и тут стены стали падать одна за другой. Подточенные загодя, они, как говорится, держались на одном честном слове.

Хлынули. Нет, не лемуры. Отвратительные бестии, каких не выдумает самое извращённое воображение. Ростом с человека, вдвое выше и вдвое ниже. Словно кто-то задался целью посмотреть, что получится, если на самом деле скрестить ежа и ужа. Или, точнее, анаконду с дикобразом и кайманом. А заодно прибавить лапы как у комодского дракона.

Истошно завопил Кеос. Правда, кричал он недолго. Челюсти не прокусили броню, но сдавили несчастного так, что перетёрли почти пополам. Разорвали. Растянули. Одна коричневая туша стекла нам под ноги, но другие, само собой, не остановились.

– Гранаты! – заорал Клаус-Мария.

Я выстрелил не колеблясь. Кеос уже мёртв. А если даже нет – ничего не поделаешь. Мне надо выйти живым из этого боя. На Новом Крыму, не колеблясь, дрался бы и голыми руками, чтобы вытащить своего, а здесь... я должен просто уцелеть. Честь и всё прочее не имеет ко мне никакого отношения.

Гранаты взорвались не сразу. Видать, взрыватели оказались слишком тугими – подрыв происходил, когда снаряд уже успевал уйти в глубь мерзкой туши, и потому эффект оказался потрясающим.

Гранаты взрывались. И коричневые, истекающие слизью туши разносило в клочья, жалко и нелепо торчали чёрные обугленные обломки костей. Мумбу чуть не вырвало.

Другие отделения, появившиеся в разных концах площади, тоже взялись за дело. Поток уродливых, гротескных тел. Коричневое, стремительно расплзающееся пятно. Зелёные вонючие лужи, хрип, рёв, бульканье. Кто-то из десантников поопытнее пустил в ход наплечные гранатомёты, термитные заряды выжигали всё на десять шагов вокруг себя.

Но в тот миг нам было не до того, вместе с Клаусом-Марией мы пытались вытащить Кеоса. Несчастный румын оказался разорван почти пополам. Не помогли ни броня, ни надежный в полном соответствии с уставом жилет. Мы перебили тварей в гараже, но при этом сами остались почти без амуниции. Патронный подсумок показал дно. Чуть поколебавшись, я потратил последнюю гранату для подствольника – взгромоздившееся на крышу уродливое существо, больше всего напоминавшее громадного богомола с длиннющими, загигавшими тройной спиралью антеннами, разнесло в мелкие клочья.

И после этого как-то само собой получилось, что атака захлебнулась. Уцелевшие бес-тии отхлынули. Убрались лемуры-стрелки. Взвод почти в полном составе – если не считать убитых и раненых – оказался собранным в самом сердце Кримменсхольма.

...Разумеется, штаб «Танненберга» встал на уши. Разумеется, нам приказали во что бы то ни стало «удерживать поле боя» до того времени, пока умники из батальонного штаба – проще говоря, разведка и контрразведка, а также «другие необходимые специалисты» – не придут на место и не разберутся, в чём дело.

Мы были единственными, кто столкнулся с подобным, гм, феноменом. Остальные взводы и роты успешно выполнили задание. Они на самом деле спасали гражданских. Нашему взводу не повезло. Ни одного спасённого. Ни одного.

Как бы то ни было, помощь нам оказали. Ближе к вечеру пришли первые транспорты с тяжёлым вооружением. Конечно, не «королевские тигры», об этом оставалось только мечтать. Впрочем, мы были рады и скромным БМД, боевым машинам десанта. Огневая мощь у них не уступала среднему танку, а проходимость была выше. Броня, конечно, подкачала, ну да лемуры вроде как не располагали противотанковой артиллерией.

– Вот так-то, ефрейтор, – господин штабс-вахмистр уже успел закурить свою неизменную сигару. – Шли, как говорится, по ровному, да голой ж... прямо в муравейник. Докладывай. Как отделение?

– Всего вышло из строя семь человек, господин вахмистр. Из них безвозвратные потери – один. Тяжелораненые, нуждающиеся в немедленной госпитализации, – ноль. Легкораненые, помощь может быть оказана в полевых условиях – шесть.

– Селезень твой как? – вдруг хмуро поинтересовался вахмистр. Немало меня удивив, сказать по правде.

– Подобран санитарями, – браво отрапортовал я. – Состояние удовлетворительное. С корсетом может ходить сам, господин вахмистр.

– Парни, которых эта дрянь за глотку взяла?

– Хуже всех Джонамани, у Сурендры проникающее ранение в лицо. Стрела пробила забрало, но ничего.

– Постой, ефрейтор. Что за чушь? Как стрела могла пробить забрало, оно пулю выдерживает!

– Не могу знать, господин вахмистр. Первичный осмотр предполагает не пробитие, а проплавление, каталитическое проплавление, бронепластик словно поплыл...

– Гм... яйцеголовым доложил, ефрейтор?

– Так точно, во время первичного опроса.

– И что они сказали?

– Сказали, что это невозможно, господин вахмистр.

– Ничего другого от этих дармоедов я и не ожидал. Ладно, ефрейтор, можешь идти к своим. Я передам своё мнение господину лейтенанту... и оно будет положительным.

– Рад стараться, господин старший...

– Не тянись, ефрейтор. Мы в поле, а не на плацу. Вы неплохо прошли. Парня твоего, конечно, жаль. Хороший десантник бы вышел. Признаться, я бы предпочёл на его месте видеть Селезню. Всё равно от него никакого толку.

– Осмелюсь доложить, господин вахмистр, рядовой Росдвокрак хороший и старательный солдат! Он не опозорит...

– Защищаешь своих, ефрейтор? Правильно делаешь, только на твоём бы месте я списал бы Раздвакряка в стройбат. В этот раз из-за него никто не погиб по чистой случайности. Не знаю, долго ли продлится такое везение.

Я ничего не ответил. Вытянулся в струнку, откозырял и спросил разрешения идти.

– Давай-давай, – хмуро кивнул вахмистр. – И прочисти Мумбе мозги. Этой ночью, я чувствую, нам спать не придётся.

О, как он был прав!..

Я пошёл к своим ребятам. Благодаря усилиям медиков держались они неплохо. Даже Селезень перестал ныть и стонать.

Тело Кеоса, запаянное в чёрный пластик, заполненный инертным газом, подлежало теперь отправке на Новый Крым. Имперский десант вообще и «Танненберг» в частности очень заботились о том, чтобы ни один погибший не остался на поле боя. И чтобы потом он был со всеми почестями похоронен. По обычаю многих армий ещё старого мира, когда существовали различные страны и ещё была настоящая Россия, погибшему посмертно присвоили внеочередное воинское звание. Кеос отправлялся в мир иной старшим вахмистром. Его перебросили аж сразу через две ступеньки – ефрейтора и просто вахмистра. В смерти он сравнился с самим господином Клаусом-Марией. С образцом, так сказать, имперского служаки и солдата...

А поскольку Кеос погиб, со всего разбега влетев в ждущие коричневые объятия, дело оказалось представлено так, будто бы он прикрыл собой непосредственного командира, то есть меня, и вышестоящего начальника, то есть господина старшего вахмистра. За такое дело полагался солдатский Железный крест четвёртой степени, но с дубовыми листьями. Армейские острословы прозвали эту награду «терновым очком».

Посмертно Кеосу вручили этот самый крест. Теперь его семья, если только она у него была, получала права на двойную пенсию. А его имя будет высечено на громадной мраморной плите, где скрупулёзный «Танненберг» отмечает всех погибших в своих рядах и всех награждённых. Надо сказать, что список отмеченных посмертно устрашающе и деморализующе длинён. Но это было уже позже, много позже.

Эту ночь мы провели, что называется, «на костях». Взводу запретили покидать Кримменсхольм. Вместе с прибывшими «бээмдэшками» нам предстояло удерживать деревню, «пока потери не превысят уровень принятой целесообразности».

Экипажи БМД вместе с нами рыли аппарели, вполголоса недобрым словом поминая тыловики, которые, само собой, не включили во вторую волну тяжёлую сапёрную технику, бульдозеры-грейдеры и тому подобное. Поэтому положенные уставом укрытия копать пришлось вручную.

Ближе к вечеру инженеры запустили полевой генератор. Кримменсхольм и его окрестности залило ярким, режущим глаза белым светом. Прожекторов было велено не жалеть. Лемуры по-прежнему вели полуночной образ жизни, и снопы слепящего света, по теории, должны были помешать их возможной атаке.

Чего мы ждали? Мы, собственно говоря, ждали прилёта команды Внутренней безопасности, сиречь контрразведки. Так уж как-то получилось, наверное, вследствие аппаратных игр в высшем имперском руководстве, что контрразведка подмяла под себя не только тривиальную ловлю шпионов (очевидно, вследствие малого количества оных; мне ещё ни разу не приходилось слышать о разоблачении хоть одного настоящего шпиона Чужих. Заговорами и восстаниями внутри самой Империи занималось, само собой, гестапо).

И теперь в ведении контрразведки оказалось, помимо всего прочего, и расследование необъяснимых случаев. С одним из каковых мы явно и имели дело здесь, в Кримменсхольме.

Пока тянулась ночь и наши комбинезоны мокли от пота, а лопаты вываливались из перенатруженных рук, в виде особой милости командования нам объявляли общий ход операции «Лемур».

Остальные части «Танненберга», выбросившиеся в угрожаемых местах планеты, успешно провели эвакуацию гражданских. Потерь, за исключением нескольких легкораненых, батальон не имел. Все атаки лемуров были отбиты с большим для тех уроном. И надо ж было так сложиться, что с неведомым выпало столкнуться не четырём отлично вышколенным кадровым ротам, а именно нам – роте учебной, которой, по сути говоря и по всем имперским порядкам, в бой идти и вовсе не полагалось. Не полагалось – но только не в случае «непредвиденных обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью большого числа имперских граждан».

Мои ребята мало-помалу оправлялись от шока. На ногах остались только я с Мумбой да Глинка. И теперь копать нам пришлось за десятерых. Я пораился, когда к нам неожиданно присоединился господин Клаус-Мария Пферц... Было уже крепко за полночь, а отведённая нам аппарель не была откопана и на четверть. Оно и понятно – где ж троим сработать за десятерых?

Господин вахмистр слова тратить не стал, просто встал рядом со мной, с чувством хакнул, вонзая остро отточенную лопату в неподатливую, пронизанную тысячами корней почву Зеты-пять. На мою попытку вытянуться во фрунт он ответил только пренебрежительным взмахом руки и столь же пренебрежительно-неразборчивым ворчанием. Работал он, надо признать, не за одного и даже не за двоих, а самое меньшее за троих, так что к утру, когда явился проверяющий помощник начштаба батальона, срочно прилетевший к нам вместе с БМД, наша аппарель выглядела вполне прилично. Во всяком случае, взыскания мы не получили.

Утром, наконец выбившись из сил, мы получили разрешение «отдыхать». Два тела... или две тушки? – были к тому времени у меня давно уже изъяты и дожидались в морозильнике прилёта высоких чинов и экспертов из контрразведки.

Просто удивительно, на что способна пехота, если ей дать в руки по лопате и велеть рыть отсюда и до утра. За ночь вокруг Кримменсхольма возник самый настоящий оборонительный пояс. Улицы, проходы между домами прикрывала вдобавок ко всему и колючая проволока, по которой наш предусмотрительный лейтенант велел пропустить ток от генератора. Крайние дома превратились в настоящие крепости, с пулемётными гнёздами, позициями снайперов (их надобность сейчас мне казалась сомнительной) и сооружёнными из набитых землёй мешков полукапонирами для миномётов и тяжёлых гранатомётов. БМД застыли в аппаратах, высоко задрав хоботы пушек – им предстояло, в случае чего, вести огонь с закрытых позиций.

Дрыхнуть нам дали часа четыре – невиданная щедрость в боевой обстановке, – после чего подняли, и притом весьма немилосердно. За ночь в результате ударной работы медиков вернулись в строй Микки с Фатихом, остальные, особенно получившие проникающие ранения стрелами, выбирались не так проворно – как я и ожидал, наконецники у лемуров оказались отравленными, а универсальный антидот справлялся с этой отравой неважно. У Сурендры вдобавок оказалось задето что-то серьёзное, и ему скорее всего светил стационарный госпиталь.

Моё отделение тем не менее выросло до пяти человек. Вот-вот должны были выкинуть из медсанчасти и Раздвакряка. Толку от Селезня в бою наверняка немного, но хотя бы копать-то он сможет!..

– Вставай, ефрейтор. – Надо мной склонился господин штабс-вахмистр. – Вставай, с тобой хотят говорить... люди Иоахима.

Иоахим фон Даркмур, двадцать седьмой барон Даркмур, был главой имперской контр-разведки.

И Микки, и Мумба, и Глинка при этом известии как-то странно потупились.

Я вскочил. Заправил как следует под ремень камуфляж,дохнул на кокарду, протёр её рукавом. Надел шлем. Мимоходом оттянул затвор «манлихера», заглянул в казённый – нет ли нагара? А то ещё проверят, в порядке ли оружие содержу... Броню решил было не надевать, но потом подумал, что если представлять «в полном боевом», то без неё негоже.

В сопровождении сумрачного Клауса-Марии (бравый вахмистр, как и многие другие боевые солдаты и офицеры, охранку всех и всяческих мастей недолюбливал, солидаризируясь в этом с нашим лейтенантом, предупреждавшим меня о том, что не стоит становиться плохим шпионом из хорошего солдата) я отправился являться.

«Люди Иоахима» прибыли в немалом числе и с чёртовой пропастью всяческой аппаратуры в защитного цвета ребристых металлических кофрах. Можно было только удивляться их оперативности – верно, болтались где-то на орбите в ожидании чего-нибудь эдакого. И дождались.

Клаус-Мария чётко отсалютовал, доложил.

– Свободны, вахмистр, – сдержанно сказал поднявшийся нам навстречу рослый человек в чёрном комбинезоне с узкими витыми погонами. Погоны – обычные пехотные, даже не десанта, и звание вроде бы невелико, риттмейстер, но, как известно, в разведке чины значат куда больше, чем простое число «розеточек». Этот риттмейстер наверняка равен был самое меньшее полковнику обычных войск или майору – десантных...

– Ефрейтор, – капитан взглянул мне в глаза, и я мгновенно напрягся. С обладателем таких глаз шутить не следовало. Этот не колеблясь выстрелит не только в упор, но и в спину. Будет пытаться и женщину, и ребёнка. Для него существует только одно понятие – «эффективность процесса», а как она достигается – никого не волнует. Оно и понятно, правозащитные организации остались только на немногочисленных, пока ещё формально независимых планетах.

– Расскажите всё как было, ефрейтор. С максимально возможными подробностями. И не стойте, как манекен. Мы не на строевом смотре. Можете сесть. Курите?

– Благодарю вас, господин риттмейстер, нет.

– Разумно, – щелчок закрывшегося и спрятанного портсигара. Массивной золотой вещицы, явно стоящей как хорошее спортивное авто. – Итак, я слушаю. Предупреждаю, ефрейтор, наша беседа будет записываться. Нам важна каждая деталь, которую вы сможете сообщить. Приступайте, ефрейтор.

Я приступил. Риттмейстер слушал внимательно. Не перебивал, не задавал вопросов и вроде бы даже не моргал.

Когда я закончил – описанием того, как погиб Кеос, – секурисист молча кивнул и выключил запись.

– Прекрасный рассказ, ефрейтор. Сразу виден полный курс новокрымского университета, там традиционно уделялось большое внимание риторике и публичным выступлениям. Профессор Обручев всё ещё преподаёт психолингвистику?

– Так точно.

– Попадёте в увольнение, не считайте за труд, передайте привет старику, – небрежно бросил риттмейстер. Его коллеги в глубине комнаты молча возились всё это время с какими-то электронными блоками, составленными в стойки, перевитые кабелями и перемигивающиеся разноцветными огоньками. – Так вот... постарайтесь ещё раз как можно точнее описать момент, когда вы поняли, что вместо детей на руках у ваших солдат имеют место быть... монстры, дефиницируем их пока таким образом.

Я стал описывать. Ещё раз. Подробно, как только мог.

– Выражения их лиц – я имею в виду, м-м-м, монстров – вы не заметили?

– Никак нет. Рядовые Фатих Исмаил и Микки Варьялайнен стояли ко мне вполоборота.

Лиц де... монстров я не видел.

– Даже когда стреляли?

– Так точно. А потом уже... не смотрел.

– Ваши пули вынесли им мозги, – раздумчиво сообщил мне господин контрразведчик. – Прекрасная реакция, ефрейтор, отменная меткость. Даже без нацеленного прицела, не так ли?

– Так точно. Стрелял навскидку, господин риттмейстер.

Обычно имперские офицеры в разговоре с рядовым или вахмистром после одного-двух обращений «по уставу» отдавали приказ «без чинов», и разговор вёлся просто на «вы». Но этому секуристу, похоже, титулование «господин риттмейстер» доставляло нескрываемое удовольствие. Новопроизведённый, что ли? Не наслушался?

– Прекрасное владение оружием, – холодно заметил мой собеседник. Он что, мне комплименты собрался говорить? Как красной девице? – А скажите, ефрейтор, у вас не возникало сомнений в том, что вы делаете? Скажем, вы не допускали мысли, что пали жертвой, к примеру, галлюциногенной атаки? Ведь в тот момент вы не пользовались изолирующей маской?

– Никак нет, маской не пользовался. Сомнений не возникало. Я видел, что моих солдат душат. Времени выяснять, не галлюцинация ли это, у меня не было, господин риттмейстер. Я не мог допустить...

– Понятно, – с непроницаемым лицом прервал меня секурист. – Можете идти, ефрейтор. Скажу вам только одно на прощание. Вы убили не чудовищ. Вы убили самых обыкновенных детей. Мы провели все возможные и невозможные тесты. В том числе учитывая возможность перманентного психического воздействия. Ничего не обнаружено. Это самые обычные мальчик и девочка.

Земля покачнулась у меня под ногами. Кожа на лице запылала. Невольно я сжал кулаки. Секурист, явно наслаждаясь, наблюдал за моей реакцией. Он явно ждал от меня каких-то слов. Но мне не задано никакого вопроса. Не предъявлено обвинения. Мне не на что отвечать. И, если это обычные дети, кто тогда душил Микки и Фатиха?! Что, в медсанчасти у всего персонала тоже галлюцинации?!

– Благодарю, что сочли возможным поделиться со мной этой информацией, господин риттмейстер. Она наверняка строго секретна, я ценю ваше доверие и постараюсь оправдать его в дальнейшем!

Лицо у него едва заметно дрогнуло. Похоже, чего угодно он ожидал от меня, только не подобного заявления. Однако «человек Иоахима» тоже умел держать удар.

– Информация, само собой, совершенно секретна. Но, ефрейтор, вам не интересно узнать, отчего вас не привлекают к суду за убийство несовершеннолетних имперских граждан?

– Полагаю, господин риттмейстер, остальные солдаты моего отделения подтвердили мой рассказ. И, кроме того, иллюзия – если это была иллюзия – не рассеялась после... моего выстрела.

– Отлично держитесь, ефрейтор, – многозначительно уронил риттмейстер. – Вы правы, мы уже опросили других. Пока вы спали, – он усмехнулся. – Все как один действительно подтвердили вашу версию. Особенно красноречив был рядовой Варьялайнен. То есть вы – и не только вы, но и несчастные дети – находились под очень мощным гипновоздействием, ефрейтор. Мы выясняем механизм этого воздействия. Было ли оно психическим, химическим или каким-либо ещё. Но это уже не ваша компетенция, ефрейтор. – Он поднялся. – Само собой разумеется, всё, о чём мы с вами говорили, должно быть сохранено в полной тайне.

– Так точно, господин риттмейстер!

– Можете идти, ефрейтор, – и секурист повернулся ко мне спиной.

Вот такие пироги с котятами, как говаривал тот самый профессор Обручев, заслуженный деятель науки, академик Императорской Академии Наук, которого давно и упорно приглашали лучшие университеты «полноправных» планет и который упорно отвергал все приглашения, предпочитая оставаться не ректором, не деканом даже – скромным заведующим небольшой кафедрой в маленьком провинциальном университете, дипломы которого лишь совсем недавно стали признаваться в остальной Империи...

Под бронёй, по спине, груди, бокам с меня градом лил пот. Дети. Галлюцинация. И шрамы на шее Микки с Фатихом тоже, наверное, галлюцинация. Надо было спросить секуриста, а возможно ли вообще нанесение подобных ран человеческими руками, руками ребёнка, даже если этот ребёнок «под гипнотическим воздействием»? Откуда возьмутся силы? Загадочные «резервы человеческого организма», о которых так любят писать бульварные газеты? Не верю. Нет. Не может такого быть. Абверовец меня просто проверял. По каким-то своим внутренним причинам. Может, ему надо было выяснить, как яотреагирую на такое... известие. Зачем, почему – не мой вопрос. До поры до времени мне нет резона вставать на пути у этого ведомства.

Само собой, рассказывать ребятам я ничего не собирался. И не из-за данного имперцу обещания. Чтобы выжить, мне нужно боеспособное отделение. Помирать вследствие их глупости, трусости или растерянности я не намерен.

И потому к нашей аппарели, куда уже успели подвезти жратву, я подошёл почти как ни в чём не бывало. Несчастный случай, твердил я себе. Непредвиденная случайность. Ни предотвратить, ни предусмотреть её я не мог. «Не мог, – твердил я себе, – никак не мог. Выброси из головы. И всё тут».

– Командир! – завопил экспансивный Мумба, размахивая моим котелком с явным риском расплескать к чёрту всё содержимое. – Командир, я пайку тво... вашу припас!

– Ешь, Мумба, если хочешь, и поделись с ребятами, если у кого настроение порубать ещё есть. – У меня сейчас кусок в горло не лез.

– Галеты что, тоже делить? – с надеждой осведомился негр.

– Галеты оставь. – Я постарался внять голосу рассудка. До темноты ещё далеко, кормёжка не скоро, а на голодное брюхо хорошо воевать вряд ли получится.

Надо сказать, командовал отделением я в тот день плохо. Для начала мне устроил разнос господин штабс-вахмистр «за непроверку состояния чистоты вверенного подчинённым боевого оружия» плюс за «несоответствующий внешний вид подразделения», а потом чёрт вынес на нас какого-то очередного проверяющего из штаба батальона, который, вне всякого сомнения, считал себя почти что героем, осуществляя «полевую инспекцию войск во время боевых действий». От полного краха меня спас только наш лейтенант, заявившийся на сей раз как нельзя кстати. Он наверняка сам собирался учинить суд и расправу, но при виде того, что *его* людей трахает какой-то штабной *штрюль*, мгновенно осатанел.

– Господин гауптманн!..

– А, вы, лейтенант. Что за бардак у вас во взводе? Как такой обезьяне могли доверить ефрейторство?! Посмотрите: подворотнички свежие не подшиты, форма мятая, две кокарды утеряно, не говоря уж...

– Господин гауптманн, мои люди только что вышли из боя.

– Бой был *вчера*, господин лейтенант. Имперский десантник тем и отличается от обычного Feldgrau, что сразу после боя годится хоть на смотр к Его Величеству! Никто не должен думать, что бой есть предлог не следить за собой. Сперва подворотнички, потом патронные сумки, и так докатимся, что в казённых лягушки скакать будут. Трое суток ареста этой неудачной пародии на имперского ефрейтора, господин лейтенант.

– Так точно, трое суток ареста, – в голосе лейтенанта словно броневые траки лязгнули. – Однако я выражаю несогласие с вашим решением, господин гауптманн, и вынужден обратиться к вышестоящему командиру. К господину майору Иоахиму фон Валленштейну. До его решения приказ об аресте ефрейтора в силу не вступит.

Лицо *штрюля* перекосилось, однако сделать он ничего не смог. Лейтенант рисковал, потому как, если командир батальона подтвердит решение штабного гауптманна, под арест вместе со мной пойдёт и лейтенант.

Офицеры молча откозыряли друг другу и разошлись.

– Ефрейтор! – Лейтенант присел на край аппарели. – Знаю, то, о чём с тобой толковал этот тип из ИСС,⁸ сугубо и трегубо секретно, но если они собираются взяться за мой взвод из-за тебя, так и знай, что лучше бы тебе на свет не рождаться.

– Никак нет, господин лейтенант. Заверяю вас, за наш взвод они не возьмутся. Это касается меня, и только меня, господин лейтенант.

– Надеюсь, – буркнул тот, вставая. Однако, уже собираясь идти, вдруг повернул голову: – Но знай, я дам тебе самую лучшую рекомендацию, какую только могу. Чую, нам понадобятся настоящие солдаты. И скоро. Не благодари, ефрейтор. Делаю это не за твои красивые глаза. Мне во взводе нужны такие, как ты. Всё ясно?

Я постарался гаркнуть «Так точно!» как можно выразительнее.

До самого конца дня ничего интересного так и не случилось. Подвергнутые «активной полевой реабилитации», накачанные стимуляторами и прочей гадостью, один за другим доложились о прибытии все мои ребята, кроме двух – упокоенный Кеос дожидался отправки на орбиту, Сурендру уже транспортировали в госпиталь. Его проплавленный шлем тоже стал добычей секуристов. Нам, мелкой сошке, оставалось только ждать.

В нашу аппарель танкисты загнали БМД, мы помогали им с маскировкой. Потом я заставил своих архаровцев как следует вычистить оружие и «осуществить индивидуальную подгонку снаряжения».

...Ясно было, что мы столкнулись с какими-то совершенно неведомыми нам формами жизни. Крайне нецелесообразными по форме, скорее всего – неспособными к выживанию в естественной среде. Неэндемичными для данной планеты. Животный мир Зеты-пять мы уже успели изучить достаточно хорошо. Ничего подобного тут никогда не наблюдалось. То есть кто-то перебросил сюда этих монстров; но тогда – зачем? Что это – война? Война с Чужими, которых мы всегда так боялись? Ведь доселе все войны Империи были, так сказать, гражданскими войнами в пределах человеческой расы. Мы ещё никогда не сталкивались с Чужими в открытом бою. Симуляторы и прочее оставались именно симуляторами и прочим.

Надо сказать, мне от этого стало несколько не по себе. Даже и не «несколько». Только большим усилием воли я удержал свои зубы от постыдного выколачивания быстрой дробы. Потому что иначе моё отделение, и без того не отмеченное, как говорится, печатью храбрости, окончательно потеряет дух. А помирать из-за этих «отбросов Империи», как выразился бы мой отец, мне было решительно не с руки.

Конечно, они пристали ко мне с расспросами. Ефрейтор – это всё-таки не вахмистр, который есть почти что офицер. Ефрейтор – тот же рядовой, лишь чуть-чуть приподнятый над общей массой десанта.

Никто здесь не имел больше чем восемь классов. Из школьных курсов биологии помнили только, что там «лягушек резали». Что такое ДНК и ген, вспомнил один Глинка.

⁸ ИСС – от ISS Internal Security Service. Внутренняя служба безопасности, официальное наименование имперской контрразведки.

– Биологическое оружие, ребята, – сказал я. – Твари, специально выведенные для войны. С очень коротким веком, но все системы у них работают на пределе и за пределом. Образно говоря, они себя сами сжигают. Оно и понятно – долго такие бестии не проживут. Хотел бы я повозиться с их геномом...

– Командир, а лемуры как же? – спросил Мумба. Мои истории о генах, энхансерах, интронах и экзонах он слушал широко разинув рот. – Они что, тоже... чушки, для войны только?

– Лемуры – нет, – подумав, сказал я. – Они тут жили испокон веку. А вот те коричневые твари, которых мы на площади били, – они да... И то сказать, те, кто их сюда забросил, дураками большими были.

– Почему, командир? – хором спросили разом Мумба, Глинка и Хань.

– Потому что с большими тварями и бороться легче. Они уязвимы для пуль, для гранат, для снарядов. От них защитит... гм, должна защитить броня, – поправился я, вспомнив несчастного Кеоса. – А вот будь тут рои пчёл с ядовитыми жалами... или какие-нибудь мелкие муравьи... с ними много не навоюешь. Их обиталища пришлось бы просто огнём выжигать. А зачем нам планета-пепелище? На Зете-пять люди жили. Надо, чтобы и дальше жить смогли. Термоядерными бомбами это легко закидать. А вот попробуй на самом деле *победить!*

– Что, ефрейтор, ведёшь разъяснительную работу с личным составом? – вдруг прогудел над самым моим ухом голос господина старшего вахмистра. Клаус-Мария Пфержен-такль в совершенстве владел искусством подкрадываться бесшумно – важнейшее умение для господина вахмистра, желающего знать, чем дышат вверенные его попечению «удавы узловатые» и «орангутанги геморройные».

Мы дружно вскочили.

– Вольно, отделение. Так что, ефрейтор? Истории рассказываешь? Давай, продолжай, я тоже послушаю. – Клаус-Мария без церемоний устроился на перевёрнутом патронном ящике и принялся гильотинировать свою неизменную сигару.

– Осмелюсь доложить, господин старший мастер-наставник, отвечал на вопросы рядового состава о природе встреченного нами противника!

– Очень любопытно, ефрейтор. И что же ты им сказал?

– Что мы имеем дело с биологическим оружием нового рода, господин штабс-вахмистр. Вероятно, масштабное клонирование, массивные направленные мутации, чудовищно ускоренный метаболизм, у воинов, полагаю, отсутствует репродуктивная функция, наподобие ос или...

– погоди, ефрейтор. Я знаю, ты университет окончил. – Глеющая сигара Клауса-Марии описала широкий полукруг. – А я в твоей фразе только отдельные слова и понимаю. Проще скажи, чтобы каждый понял, – что ты имеешь в виду?

Я повторил. Простыми словами. Не забыв и своё мнение, что кусачие ядовитые осы или иные мелкие насекомые были бы куда опаснее.

– А ведь смертельный для человека токсин подобрать совсем нетрудно...

– Верно, едрит их в колено, – вахмистр сплюнул. – В большую тварь хоть попасть можно, и она, как опыт показывает, от пули имеет обыкновение окоचуриваться. В комариную тучу стрелять не будешь. Доннерветтер, ефрейтор, за такие разговорчики тебе и пораженчество пришить можно, и разложение личного состава!..

– Полагаю, господин вахмистр, что личному составу лучше всего знать правду и быть готовым к худшему...

– Вот когда в штабах заседать будешь, ефрейтор, тогда свои дефиниции вводить и станешь. А пока слушай, что я тебе говорю, – Клаус-Мария махнул нам рукой, веля всем склониться поближе, и понизил голос. – Всё верно, но желательно, чтобы эти взгляды дальше

вас, обезьяны пустоголовые, не пошли. Я – с вами, и господин лейтенант тоже, но услышит какая-нибудь штафирка из безопасников... вот тогда жди беды. Господин лейтенант должен узнать, и остальные господа офицеры... которые в поле командуют, а не в штабах штаны протирают. Всё ясно? Короче, язык держать за зубами, иначе самолично повырываю! Вы меня, ослы свинские, знаете.

Мы его знали. Никто и не подумал усомниться в словах господина старшего вахмистра.

* * *

На следующий день командование «Танненберга» решило, что держать целый взвод в охране пустой деревни нет смысла. На планете ещё оставалось немало поселений, требующих немедленной эвакуации. К «акциям умиротворения», как выразилась посетившая нас даме политпсихолог нашей роты, приснопамятная валькирия гауптманн фон Шульце, батальон приступит позднее. Не раньше, чем все гражданские лица окажутся в безопасности.

Уже успевшие обжиться тут танкисты с ворчанием принялись разбирать своё хозяйство. На планету ещё не успели перебросить в достаточном количестве тяжёлые вертолёты, и нашему взводу предстояло совершить двухсоткилометровый марш к небольшому городку Ингельсберг, по какой-то странной случайности не задетый первым лемурийским ударом. Судя по всему, наш противник действовал вообще стихийно, не озабочиваясь никаким планированием, ни тактическим, ни тем более стратегическим. Командование пыталось растянуть тощие шеренги «Танненберга» на всю планету, точнее – стараясь прикрыть населённые области, откуда первыми поступили сообщения о восстании и жертвах. В Ингельсберге насчитывалось почти пять тысяч жителей, там работали небольшие перерабатывающие заводишки, принимавшие продукцию окрестных ферм. Насколько я знал, тамошнюю милицию немедленно возглавил бравый отставной Hauptmann, и лемуры так и не приблизились на расстояние выстрела. Тем не менее, несмотря на кажущееся спокойствие, приказ наш был чётко и ясен – эвакуировать всех гражданских. И только после этого приступить к «выкорчёвыванию сорняков».

Граница леса быстро приближалась. Это был самый обычный земной лес – как уже упоминалось, наши дубы, вязы, липы и грабы вполне уверенно теснили «эндемичную растительность». Хотел бы я знать, что по этому поводу думали наши мохнатые противники, равно как и их хозяева, буде таковые на самом деле имелись.

Разумеется, пока «наши» леса – всё равно что песчинка рядом с арбузом, и хоть сколько-нибудь значимую площадь они займут ещё через много человеческих жизней, но что, если для лемуров этого достаточно, чтобы восстать и пролить кровь «угнетателей»?..

* * *

– Ефрейтор, неужто нас через эти леса погонят? – тоскливо осведомился у меня Мумба, сидя на тряской броне нашей «бээмдэшки», что с уверенным рёвом направлялась по дороге к зарослям.

– Другой дороги нет, Мумба.

– Перебьют нас тут...

– Не ной! Стреле броню не пробить.

– Яму ловчую выроют...

– Вы в своих джунглях тоже так делали, когда только с деревьев слезли и ещё хвосты себе не купировали? – зло бросил Назариан.

В десантном отделении хоть и трясло, но дышалось легко, конструкторы не поскупились на фильтровентиляционную установку с кондиционером. Впереди нас пылили две БМД, длинные жёлтые шлейфы подхватывал ветер, относя в сторону от старого грейдера. Даже дороги здесь строили по старинке. Кто-то из наших невест зачем включил обдув на внутреннюю циркуляцию. Снаружи мы воздух не подсасывали.

– Мумба! Тихо! Назар, два наряда, как на место придём, – гаркнул я, предотвращая готовую вот-вот вспыхнуть драку. – А ну, прекратить! Совсем с ума спятили?..

Ну в самом деле, что за идиоты?.. Прекрасно ведь знают, что будет за драку. Я это им ещё на «Мероне» пытался втолковать. Верно, не слишком убедительно. Придётся повторить.

Спорщики оказались слишком близко ко мне, и всё, что я должен был сделать, – это протянуть обе руки и как следует стукнуть и Назариана, и Мумбу друг о друга шлемами. Эффект получился впечатляющий. Оба враз прикусили языки.

– Вот и хорошо, – внушительно произнёс я. – И не станем ссориться, ладно? У нас у всех сегодня...

Что у нас будет сегодня, я придумать просто не успел. Где-то рядом что-то затрещало, загрохотало, двигатель «бээмдэшки» надрывно взвыл, словно в смертельном ужасе, в переговорнике водитель разразился проклятиями, резко сворачивая в сторону и перемалывая гусеницами молодой подлесок.

– Амбразуры открыть, собаки свинские! – завопил я, неосознанно переходя на жаргон господина старшего вахмистра.

Разумеется, ничего особенно мы вокруг не увидели. Оно и понятно – заросли. Неугомонный Мумба тем не менее дал очередь – как говорится, в белый свет как в копеечку.

– Взвод! – загремел у меня в наушниках лейтенант. – Лемуры! Лему...

И в тот же миг наступило гробовое молчание. В коммуникаторе не слышно стало даже обычной статики. Словно кто-то заткнул мне уши ватой, да так тщательно, что, пожалуй, пропустишь даже трубы Страшного суда.

Наша БМД с глухим скрежетом и лязгом остановилась. Такое впечатление, что мы со всего размаху сели брюхом на железные зубья бороны. Я такие видел в музеях – разумеется, сетевых.

– Командир? – Хань искательно заглянул мне под козырёк шлема. – Господин ефрейтор?..

– Никому не двигаться, – страшным голосом бросил я. – По местам осмотреться!

Отделение браво доложило, что всё в порядке, убитые и раненные отсутствуют, видимых повреждений не имеется. Сейчас неважно было, какие приказания я стану отдавать, – главное, чтобы никто не почувствовал моей растерянности. Связи нет, где противник – непонятно, и стоит нам только высунуться из-под защиты брони...

Я переключил коммуникатор.

– Эй, водитель кобылы! Долго мы тут ещё сидеть будем? И чего ты в кусты-то улепетнул?..

Молчание. Нас от кабины водителя отделяет перегородка с люком, сейчас наглухо задраенным.

– Экипаж?

Тишина. Двигатель работает, но на малых оборотах. Я попытался выглянуть в амбразуру, в очередной раз ничего там не увидел и успокоился.

– Джонамани, Хань! Нижний люк!

Парни послушались беспрекословно. В таких ситуациях великое благо – верить, что отдающий приказы знает, что к чему.

Нижний люк откинулся легко. По счастью, никакой особо страшной «бороны» под днищем не обнаружилось.

– Назар! Пулемёт!

Верный «MG-242». Назариан первым скользнул в люк, следом тотчас последовал его пулемёт и добровольный второй номер расчёта Джонамани.

– Прикроете нас, – приказал я и сам полез наружу. Ещё одна попытка связаться с лейтенантом или другими отделениями ни к чему не привела. Умерли они там все, что ли? Поражены внезапной смертью?

Трава под железным брюхом БМД была нашей, человеческой травой, самой обыкновенной. То есть мы пока ещё в пределах «своей» зоны. Её лемуры вроде бы должны избегать, но... мы уже видели, как они это избегают.

Я увидел остальные машины, с виду совершенно целые. Правда, двигатель работал только на нашей. Остальные успели заглохнуть.

– Хань! За мной! Остальные – держите заросли и особенно ветки! Что пошевелится – снимать немедленно!

Сегодня мне не до нанесённого природе Зеты-пять ущерба.

Я сдвинул в боевое положение нашлемный прицел. В принципе, очень хорошая штука. Видит разом и в инфракрасном, и в видимом диапазонах, чип реагирует на движение, умеет захватывать цель и выдавать целеуказание, если в твоём боекомплекте есть что-то самонаводящееся. Показывает также, куда попадёт твоя пуля, если ты вот прямо сейчас нажмёшь на спуск, куда полетит граната, рассчитывает упреждение и вообще делает массу полезных дел. Сейчас меня интересовал именно тепловой режим. Если вокруг нас есть эти создания...

Впрочем, я не слишком удивился, когда прицел не нашёл вокруг нас вообще ничего. Кроме, разумеется, ещё не остывших двигателей БМД.

И по-прежнему молчал переговорник.

Я пополз к машине лейтенанта. Рядом сопел Хань. Он, пожалуй, сейчас лучший солдат в моём отделении, но и от него шуму... Если бы лемуры хотели, то с их-то слухом уже давно угостили бы нас и в хвост и в гриву.

Ничего вокруг. Вообще ничего. Ни движения, ни звука. Словно весь мир на самом деле погрузился в спячку.

Не придумав ничего лучше, я скользнул под лейтенантскую машину. Люки, конечно, наглухо задраены изнутри. Никто не предполагал, что возникнет необходимость открывать их снаружи.

– Лейтенант? – Я не сразу сообразил, что пропустил «господина». Я постучал в днище рукоятью ножа. Потом ещё раз, громче. Ничего. Как и следовало ожидать.

У меня за спиной вполголоса выругался Хань. Выругался по-китайски.

– Ничего не поделаешь, это надо резакон вскрывать, – повернулся я к нему. – Возвращаемся, попробуем наш люк к водителю открыть.

Тоже задача та ещё...

– Может, другие попробуем, господин ефрейтор?

– Нет смысла. Чем-то их накрыли... словно две газовые бомбы взорвали. Хвост и голову зацепили, а у нас пронесло...

– У нас приток воздуха заблокирован был...

– А почему ж потом сразу не задохнулись, когда только наружу высунулись? – возразил я.

– Не могу знать, господин ефрейтор!

– То-то и оно, что «не могу»...

* * *

Лес вокруг нас молчал. Ни звука, ни движения. И мне это донельзя не нравилось. Так на войне не бывает. Мне доселе не приходилось бывать в настоящем бою, но даже в наших военных играх такого не случалось.

Ребята возились возле люка в отделение экипажа. Он был заперт, как и положено по уставу, но не заблокирован, и после всего лишь десяти минут непрерывной и цветастой ругани (особенно отличался Хань) броневой блин наконец-то уступил.

На всякий случай я приказал всем быть в масках.

Экипаж был на местах. И слава богу, а то я уже, грешным делом, стал подозревать, не исчезли ли они вообще, благодаря неведомой магии и волшебству. Водитель уронил голову на рычаги, командир свесился вниз из башни, наводчик свалился со своего железного кошеобразного сиденья на подвесной пол.

Внутри у меня всё оледенело. Все погибли? В один миг? Но почему тогда уцелели мы?..

За спиной сдавленно охнул Назариан.

Однако уже в следующий миг водитель пошевелился. Повернул голову, взглянул на нас мутным, словно с перепоею, взором.

– Р-ребята, а что...

Штабс-вахмистр, командир «бээмдэшки», очнулся следом за ним. Очумело повертел головой, словно проверяя – на месте ли?

– Что случилось, ефрейтор?

Я в двух словах рассказал. Вахмистр выругался и ткнул кнопку на радиии, вызывая лейтенанта.

Несколько мгновений в эфире царила полная тишина. Даже без извечного треска помех. А потом...

...Брань, которой разразился лейтенант, заставила меня отнестись к нему с неподдельным уважением. Так ругаться в моём представлении мог только заслуженный боцман торгового флота. Лейтенант помянул всю многочисленную эволюционную родню лемуру, припомнил всех их возможных и невозможных половых партнёров и так далее и тому подобное.

Я понимал его. Взвод остался в живых только по чистой случайности. Нас запросто могли перебить. И для этого не требовалось даже взрезать броню наших БМД. Достаточно было просто развести под днищем большой костёр, и мы повыскакивали бы сами. Когда у нас кончились бы патроны – я имею в виду, у моего отделения...

Лейтенантский Befehlspanzer⁹ ревел мотором, пятясь, выбирался на дорогу. Следом за ним, словно поросята за маткой, потянулись остальные машины. Наша тоже тронулась.

– Разрешите обратиться, господин вахмистр? – Мне же надо было понять, что произошло!

– Не разрешаю, – отрезал тот. – Потом, ефрейтор. Не до разговоров сейчас... а ты смотри, куда тянешь! – тотчас обрушился он на ни в чём не повинного водителя. – В канаву завалиться хочешь?..

БМД играючи выберется из любой канавы, на то она и БМД, но водитель понял, что с вахмистром сейчас лучше не спорить.

– Виноват! – гаркнул он. Переговорники приглушили вопль, иначе бы точно нам всем оглохнуть.

– Взвод! – загремел лейтенант. – Держать интервалы!..

Я вернулся к своим. Покачал головой, давая понять, что рассказывать тут не о чем.

⁹ Befehlspanzer (нем.) – командирский танк.

Дорога тянулась дальше, и, хотя спокойно подумать, конечно, было нельзя, кой-какие мыслишки в голове всё-таки отложились.

Итак, это не нападение. Нападавшие просто уничтожили бы весь взвод. Когда надо, лемуры сражаются. Я это видел собственными глазами. Да и эти... твари, погубившие Кеоса, – тоже не промах. Нет, на нас не нападали.

Второй вариант – предупреждение. Вариант более чем невероятный, но всё-таки с порога отбрасывать не будем. Ксенопсихология, сколько бы ни пыжились имперцы, была и остаётся тайной за семью печатями.

И, наконец, вариант третий. Самый вероятный. Несмотря на то что самый бредовый. Мы встретились с Необъяснимым. С тем, что не укладывается в нашу картину мира. Пусть доселе ничто из наших построений не давало сбоев и физические законы исполнялись одинаково хорошо что на Земле, что на Новом Крыму, что на Зете-пять, – но ведь существует же отличная от нуля вероятность, что какая-нибудь локальная флуктуация... особенность пространственно-временного континуума... умных слов можно придумать очень много. Вот только толку от них всё равно никакого не будет. Сколько ни старайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.